

Рассылается по специальному списку

№ 000074

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1983

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

**МАРКСИЗМ
В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА**

Часть первая

**ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА**

Выпуск первый

STORIA DEL MARXISMO

Volume terzo

IL MARXISMO NELL'ETA DELLA TERZA INTERNAZIONALE

I

**DALLA RIVOLUZIONE D'OTTOBRE
ALLA CRISI DEL'29**

Giulio Einaudi editore
Torino — 1980

ИСТОРИЯ МАРКСИЗМА

Том третий

МАРКСИЗМ В ЭПОХУ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Часть первая

ОТ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ДО КРИЗИСА 1929 ГОДА

Перевод с итальянского

Выпуск первый

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

1983

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
ЭРИК ХОБСБОМ	
Вступление	15
ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР	
Октябрь 1917 года: марксистская дискуссия о революции в России	23
1. Экономическое развитие, социальные преобразования, власть	24
2. Столкновение со «старыми большевиками»	31
3. Большевики против «диктатуры меньшинства»	40
4. Детерминизм Каутского	50
5. Роза Люксембург: свобода и социализм	54
6. Большевизм и социал-демократия в критике Отто Бауэра	58
МИХАИЛ РЕЙМАН	
Большевики от первой мировой войны до Октября	69
1. Мировая война и переворот в эволюции большевизма	69
2. Российская революция 1917 года: «Апрельские тезисы»	78
3. Кризис революционного процесса и позиция социалистических партий. «Государство и революция»	87
4. Октябрьская революция: победа большевиков и ее итоги	97
МОНТИ ДЖОНСТОН	
Ленин и революция	103
1. Первые годы	103
2. Партия как авангард	105

3. Революционные перспективы	107
4. Государство. Какого типа?	109
5. Партия и власть после Октября	117
6. Ленин как международный руководитель	126

ВИТТОРИО СТРАДА

Ленин и Троцкий 128

1. Роль личности в истории: орудия и действующие лица	130
2. Наследие народничества и западноевропейский опыт	132
3. Исторические законы и исторический момент	137
4. Две революционные парадигмы	139

БАРУХ КНЕЙ-ПАЦ

Троцкий: перманентная революция и революция отсталости 143

1. Маркс, Парвус и вопрос о характере русской революции	150
2. Социология русской истории	154
3. Теория отсталости	158
4. Революция отсталости	162
5. От социологии к политике: отсталость и большевизм	170

ИЗРАЭЛЬ ГЕТЦЛЕР

Мартов и меньшевики до и после революции 177

1. Ортодоксальность меньшевиков и революция	177
2. Поражение Мартова	183
3. Призрак бонапартизма	189
4. Борьба с «марксистской совестью»	194

ЭРВИН ВАЙССЕЛЬ

Социалистический Интернационал и дискуссия о социализации 202

1. Вызов и ответ	203
2. Полная и частичная социализация	205
3. Дискуссия о дополнительных мерах	210
4. Практические попытки	212
5. Разочарования и крах	214

Социал-демократия и австромарксизм 222

1. Основные характеристики и первоначальные границы	223
2. «Великая партия в малой стране»	228
3. Ценности и противоречия	232
4. Линцская программа	236
5. «Интегральный социализм»	240

ДЖАКОМО МАРРАМО

Между большевизмом и социал-демократией:
Отто Бауэр и политическая культура
австромарксизма 245

1. Отто Бауэр и Октябрьская революция	245
2. Предвоенный период австромарксизма: от «Bernstein-Debatte» к полемике с Каутским	255
3. От диаспоры в «национальном вопросе» к коалиционному пра- вительству	265
4. От «большой Венны» и «красной Вены»: демократия как «состоя- ние равновесия» и парадоксы «народной республики»	274
5. Дискуссии о демократии и диктатуре: от Линцкого съезда до поражения	294

МОНТИ ДЖОНСТОН

Передовая ленинская партия—политическое
орудие нового типа 306

1. Ортодоксальная традиция	307
2. Сознательность и стихийность	311
3. Большевики и меньшевики	315
4. Критика со стороны Троцкого и Розы Люксембург	319
5. Образец массовой партии (1905—1907)	322
6. Демократический централизм, партия и фракционность	323
7. Война и Интернационал	330

АЛЬДО АГОСТИ

Основатели международного
коммунистического движения 332

1. Программа	333
2. Кого принимали в III Интернационал	336

3. Процесс отбора	355
4. Между I и II конгрессами Коммунистического Интернационала	360

МИЛОШ ГАЕК

Левый коммунизм 366

1. Концепция социалистической революции	366
2. Отношение к левым социалистам, парламенту и профсоюзам	369
3. Вопрос о путчах	374

АЛЬДО АГОСТИ

Мир III Интернационала: «генеральные штабы» 379

1. Мировая революция и «всемирная партия революции»	380
2. Международные руководящие группы	385
3. «Теоретики» и «теория» в деятельности Коммунистического Интернационала	413
4. Национальные руководящие группы	421
5. Роль внутренних и внешних факторов в развитии руководящих национальных групп	432

МИЛОШ ГАЕК

**Дискуссия о едином фронте
и неудавшаяся революция в Германии** 441

1. Революционный подъем	442
2. «Марна немецкой революции»	446
3. Путчизм и пролетарский класс	451
4. Политика единого фронта	458
5. Стабилизация капитализма и «социал-фашизм»	461

МИЛОШ ГАЕК

Большевизация коммунистических партий 464

1. Появление лозунга большевизации	464
2. Эволюция коммунистических партий в период стабилизации	468
3. Большевизация в организационной сфере	473
4. Большевизация в идеологической сфере	476
5. Национальный вопрос в Европе	480

Израэль Гетцлер

ОКТАБРЬ 1917 ГОДА: МАРКСИСТСКАЯ ДИСКУССИЯ О РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Марксизм и его социальный анализ позволили нам продвинуться до такой степени, что уже не нужно ожидать конца революции, чтобы иметь возможность установить разницу между ее реальными целями и иллюзорными представлениями о ней. Изучение объективных обстоятельств дает возможность с самого начала выделить истинные цели революции, проистекающие из данных условий, и отделить их от иллюзорных, которые зависят от материальных и духовных потребностей революционеров. Чем тщательнее мы, марксисты, проведем этот анализ... тем в большей степени мы сможем избавить революционеров от тех разочарований и поражений, которые могут на десятилетия приостановить поступательный ход нашего дела.

K. Kautsky. Rosa Luxemburg und der Bolschewismus. „Der Kampf“, Februar 1922, S. 42).

Октябрьская революция, то есть решение Ленина взять власть и установить с помощью большевистской партии «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», поставила под вопрос некоторые освященные временем каноны русской марксистской доктрины и явилась острейшим моментом в постоянных спорах о власти, с самого начала отличавших социал-демократию этой страны. Мы попытаемся здесь определить теоретические предпосылки и социологические догадки, на которых Ленин основывал свое решение, и одновременно проанализируем некоторые аспекты полемики, вы-

званной этим решением, между марксистами России и Центральной Европы. Отправным пунктом этой дискуссии были дебаты о власти, возникшие в среде русской социал-демократии в ходе революции 1905 года; конечным является март 1921 года, когда после гражданской войны, кронштадтского мятежа и начала нэпа закончилась, как представляется автору настоящей статьи, Октябрьская революция; именно тогда дискуссии русских марксистов о власти и значении Октября заставила замолчать неодолимая мощь Советской власти, и началась послереволюционная эпоха в жизни советского общества и государства.

1. Экономическое развитие, социальные преобразования, власть

Перед русским марксизмом с первых дней своего существования в начале 80-х годов XIX века стояла дилемма, заключавшаяся в том, что марксисты-социалисты, призванные заниматься проблемами современного социалистического — послебуржуазного и послекапиталистического — общества, должны были совершить свою революцию в царской — добуржуазной и доиндустриальной¹ — России. Отцы-основатели Георгий Плеханов и Павел Аксельрод отвергли максималистскую ориентацию «Народной воли», которая, превращая отсталость России в социалистическую добродетель, выступала за революционное завоевание власти, якобы немедленно ведущее к социализму; Плеханов и Аксельрод считали эту ориентацию «утопической» и диктаторской. С точки зрения Плеханова (и его группы «Освобождение труда»), русская революция могла быть только «буржуазной». Ее основная функция заключалась в низвержении царизма и начале исторически необходимой буржуазно-демократической и капиталистической фазы развития под руководством и покровительством буржуазии. Только при этих условиях Россия могла, как считалось, подготовиться к настоящей — «пролетарской» — революции, и лишь в этом случае социал-демократическое руководство пролетариата должно было взять власть в свои руки и приступить к строительству социализма.

В последующие годы и, несомненно, начиная с 90-х годов четко выстроенная теория Плеханова о двух революциях — первой «буржуазной» и второй «пролетарской» — превратилась в русскую марксистскую доктрину, и на многие годы ее закон «самоотрицания» стал характерной чертой российской

¹ Об этой дискуссии см.: *J. Getzler. Marxist Revolutionaries and the Dilemma of Power.* — In: *A. J. Rabinovitch, L. K. D. Kristof (eds.). Revolution and Politics in Russia: Essays in Memory of B. I. Nicolaevsky.* Indiana, 1972, p. 88—112, 359—362.

социал-демократии, в том числе и Ленина². Его резкие прения с Плехановым, отраженные в черновиках партийной программы, подготовленной в 1902 году, явились началом освобождения Ленина от теоретического засилья «отца русского марксизма», и возможно, что этот процесс и вызвал междоусобицу меньшевиков и большевиков и определил роль Плеханова в этой междоусобице после II съезда социал-демократической партии. Таким образом, когда разразилась революция 1905 года и русские социал-демократы начали обсуждать проблему власти, Ленин мог спокойно пересмотреть плехановскую теорию буржуазной революции, и в частности утверждение Плеханова о необходимости самоустранения из этой борьбы, в пользу участия в которой у Ленина уже появились, видимо, собственные соображения.

Поэтому естественно, что сразу после «кровавого воскресенья», когда свержение царизма уже не казалось несбыточной мечтой, Ленин поставил вопрос о том, «*каким именно другим правительством*» следует заменить низвергаемое правительство, созывая Учредительное собрание и решая политическое будущее России³. Его ответ был ясен, прост и чов: социал-демократы «обязаны были» взять власть в свои руки и участвовать в революционном правительстве. Речь шла о демократическом правительстве, поддерживаемом «подавляющим большинством населения»; его широкой социальной основой должны были стать рабочий класс, крестьянство и неимущие слои города и деревни, жизненно заинтересованные в победе революции, установлении демократической республики и проведении в жизнь программы-минимум российской социал-демократии, а эта программа, между прочим, включала всеобщее голосование, самоопределение всех наций, решительное перераспределение земельной собственности в пользу крестьян, восьмичасовой рабочий день и радикальные реформы в области условий труда⁴. Предполагалось, что это будет революционная диктатура, правительство, наделенное неограниченной властью, так как его задачей было подавление яростного сопротивления многочисленных приверженцев

² Я не обнаружил никаких данных, подтверждающих тезис Э. Карра (см.: *E. Carr. La rivoluzione bolscevica (1917—1923)*. Torino, 1964, p. 15—16, 41), согласно которому уже в 1898 году Ленин выступал за «неразрывную связь» между буржуазно-демократической и социалистической пролетарской революцией в подтверждение Марксовой концепции революции в Германии как «непрерывного революционного процесса», или «перманентной революции». В своей статье «Задачи русских социал-демократов» (1898) Ленин постулировал «неразрывную связь» между социально-экономическим и политико-демократическим аспектами социал-демократической *пропаганды*, но он явно воздерживался от намеков на революционную теорию в указанном смысле.

³ См.: *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 10, с. 4.

⁴ См. там же, с. 12, 16, 18.

царизма. И тем не менее социалистическая диктатура пролетариата все еще не могла быть осуществлена, поскольку он представлял собой меньшинство и нуждался в союзе с крестьянством. Кроме того, поскольку Россия была экономически отсталой страной, ей необходимо было пройти какой-то путь капиталистического развития. Следовательно, царизм нужно было заменить «революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства», что политически означало создание коалиционного правительства из социал-демократов, представлявшего классовую партию пролетариата и социалистов-революционеров, поддерживаемых крестьянством — «естественным союзником рабочих». Исторической ролью этого строя явилось бы доведение до конца буржуазно-демократической революции в России, что одновременно стало бы и прологом социалистической революции в Европе⁵.

В малоизвестной статье «Картина временного революционного правительства»⁶, написанной в июне 1905 года, Ленин сформулировал свою новую революционную программу более четко и подробно, нежели в самых известных полемических выступлениях. Самодержавное правительство в Петербурге свергнуто, разбито, но не добито, *не уничтожено*; временное революционное правительство, в которое войдут министры-социалисты — пусть даже как независимая фракция социал-демократической партии, «*приказчики социал-демократической партии*», — апеллирует к народу, провозглашая «полные республиканские свободы», поддерживает «*самодетельность рабочих и крестьян*» (возможно, здесь — намек на необходимость «„по-плебейски“ разделиться с царизмом»; к этому Ленин еще вернется)⁷; учреждаются крестьянские комитеты для «*полного преобразования аграрных отношений*».

Далее, созывается Учредительное собрание, в котором народ, то есть рабочие и крестьяне, может оказаться в большинстве — «его революционная *диктатура* пролетариата и крестьянства», которая в ходе борьбы должна преодолеть «бешеное сопротивление темных сил». Это, возможно, будет «гражданская война в полном разгаре», итогом которой явится окончательное «*уничтожение царизма*». По достижении этой цели организованность пролетариата возрастет, а пропаганда и агитация социал-демократии увеличатся «в десятки тысяч раз» в качестве прямого следствия «основательности исторического действия». Крестьянство само берет «в руки все аграрные отношения, всю землю. Тогда проходит *национализация*»⁸.

⁵ См. там же, т. 11, с. 44—45, 49, 71, 90—93.

⁶ См. там же, т. 10, с. 359—361.

⁷ Там же, т. 11, с. 47.

⁸ Там же, т. 10, с. 360.

В результате всего этого в сельском хозяйстве начинается громадный рост производительных сил — вся деревенская интеллигенция, все технические знания бросаются на подъем сельскохозяйственного производства; в городской промышленности наблюдается «гигантское развитие капиталистического прогресса». На последующем этапе окончательного сведения счетов буржуазия нападает на «крепость», то есть революционно-демократическую диктатуру, и следует ожидать, что либо буржуазия одерживает верх, либо русская революционная диктатура «зажигает Европу».

Такова картина русской революции, нарисованная Лениным, революции, в которой государственная власть должна была принадлежать правительству и осуществляться им на широких социальных основах народного фронта. Это правительство провозгласило бы демократическую республику и совершило бы полную аграрную революцию, которая вместе с тем оставалась бы «буржуазной», поскольку решала бы лишь «минимальные» задачи и ориентировалась бы, скорее всего, на «капиталистический прогресс», а не на социализм. Ленинский марксистский анализ классовой борьбы давал ему возможность предвидеть следующую очередную «*ordre de bataille*» (боевую диспозицию) противостоящих «главных общественных сил». Объектом борьбы становится «республика», то есть «все демократические свободы», включая «**п р о г р а м м у - м и н и м у м** и социальные реформы серьезные»⁹.

Главные силы выглядят так: «(а) бюрократически-военно-придворные элементы за самодержавие *плюс* элементы народной темноты». Этот «быстро разлагающийся конгломерат», хотя и высоко организован — «всесильный еще вчера», — имеет тенденцию к быстрому разложению из-за внутренних разногласий, и потому он «бессильный завтра». «(б) За конституцию, *против* республики» — «более или менее крупная, умеренная буржуазия» — группа, к которой Ленин причисляет «либеральных помещиков, крупных финансовых тузов, купцов, фабрикантов». Это довольно плохо организованная коалиция, но у нее в изобилии идейные вожди из чиновников, помещиков, журналистов. «(γ) — в революционный момент (не прочно) за республику» — «„народ” *par excellence*», то есть десятки миллионов мелких буржуа и крестьян, которые ждут «непосредственных» выгод от революции, и, стало быть, они революционеры «сегодня», но, получив кое-какие выгоды и добившись улучшений, могут выступить «за порядок... завтра». «Организация *minimum*». Здесь более всего «темноты, дезорганизованности». Их идейные вожди — из «демократии» («Очень много демократической интеллигенции. «Тип» социалиста-революционера»). «(δ) — вполне и все-

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 360, 361.

цело за республику» — пролетариат. «Революционен» («очень большая организованность, дисциплина»). «По сравнению с предыдущими численно гораздо слабее». «Вождей идейных *меньше*, чем у всех остальных, *только* социал-демократическая интеллигенция и социал-демократические образованные рабочие», но боеспособность «гораздо сильнее».

Как образовать временное революционное правительство и каков будет его состав — все это Ленин сформулирует позже, в ноябре 1905 года, когда увидит в Советах организацию, способную объединить основные силы революционного союза — социал-демократов и «буржуазных революционных демократов» — в «едином союзе борьбы». После того как Совет («зародыш *временного революционного правительства*») провозгласит себя революционным правительством России и привлечет к себе новых депутатов от рабочих, моряков, солдат, революционных крестьян и революционной буржуазной интеллигенции, чтобы «пополнить его представителями всех революционных партий и всех революционных... демократов», будет сформировано нечто вроде правительства народного фронта, в которое, однако, не войдут либералы¹⁰.

Если ленинский анализ противостоящих социальных сил, мобилизованных для свершения русской революции, был именно таким и если именно так мыслилось Лениным развитие событий, то из его революционной теории неизбежно вытекали три важных вывода: его теория нарушала табу Плеханова на взятие власти и побуждала социал-демократов к участию в революционном демократическом правительстве. Она «разбуржуазивала» и радикализовала концепцию «буржуазной» революции применительно к России, исключала из нее «конституционную» либеральную буржуазию и ставила на ее место «революционное» крестьянство. И наконец, она связывала буржуазно-демократическую революцию в России с возможностью социалистической революции в Европе, придавая ей таким образом характер открытого процесса.

Поэтому не удивительно, что урок, который Ленин извлек из опыта Парижской Коммуны и применил в 1905 году, прежде всего подтверждал его революционную теорию, согласно которой «участие представителей социалистического пролетариата» вместе с мелкой буржуазией в революционном правительстве вполне допустимо, а при известных условиях прямо обязательно. Кроме того, поскольку Парижская Коммуна осуществляла прежде всего демократическую, а не социалистическую диктатуру и занималась проведением «нашей „программы-минимум“», то, перенесенная в условия России, она могла соответствовать тому, что, по Ленину, рассматри-

¹⁰ См. там же, т. 12, с. 63—66, см. также с. 229—232.

вается как «революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»¹¹. Поэтому мы, очевидно, можем утверждать, что пересмотр русского марксизма, сделанный Лениным в 1905 году (суть его состояла в том, что социал-демократы были обязаны не только свершить в России буржуазно-демократическую революцию, но также взять власть в свои руки и довести революцию до конца), явился теоретической основой решения о захвате власти в октябре 1917 года.

В последующие десятилетия Ленин неоднократно подтверждал свою новую революционную теорию, особенно успешно в 1906 и 1909 годах, когда Каутский принял ее, по словам Ленина, как «самое блестящее подтверждение *всей коренной основы* тактики большевизма», противостоящего «старому шаблону буржуазной демократии», за которую держались Плеханов и меньшевики¹². Лишь в 1915 году Ленин глубоко пересмотрел эту теорию применительно к новой обстановке, создавшейся в ходе мировой войны, которая нарушила стабильность в Европе и ослабила социалистическую солидарность¹³.

Он считал, что война настолько приблизила Россию к охваченной кризисом Европе, что русская «буржуазно-демократическая революция», вполне возможно, могла бы стать «неотъемлемой частью» социалистической революции на Западе, а не «только прологом к ней». Если в 1905 году последовательность событий в оптимистическом варианте революционной схемы, набросанной Лениным, в первую очередь требовала «доведения до конца буржуазной революции» в России (Ленин сам называл эту схему «мечтой», о которой каждый революционный социал-демократ был «обязан мечтать»)¹⁴ — только в этом случае можно было «разжечь» пролетарскую революцию на Западе, — то его революционная программа в 1915 году провозглашала «одновременность обеих революций». Далее, снижение популярности социализма с началом войны резко уменьшило количество социалистических групп, которые твердо придерживались интернационалистских позиций. Из них только те, что порвали все связи с «социал-шовинистами и каутскианцами», могли надеяться вместе с Лениным и большевиками участвовать в социалистическом российском и международном движении, а также

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, с. 132.

¹² См. там же, т. 14, с. 182, 184; см. также т. 17, с. 374—377 и 386—388; т. 21, с. 346.

¹³ См. там же, т. 27, с. 26—30, 49—50. Тщательное исследование изменений в революционной теории и стратегии Ленина, которые привели к «Апрельским тезисам», дано, однако, несколько в ином плане в статье Дж. Фрэнкела: *J. Frankel. Lenin's Doctrinal Revolution of April 1917.* — In: „Journal of Contemporary History“, IV, April 1969, № 2, p. 117—142.

¹⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 10, с. 14.

когда-нибудь и в революционном правительстве. Исключались, в частности, трудовики, Плеханов, эсеры, меньшевики всех мастей — от «ликвидаторов» до Мартова, которым поголовно приклеивался общий ярлык «социал-шовинистов», и даже лично Троцкий, которого Ленин объявил «каутскианцем»¹⁵ и который, следовательно, находился по другую сторону баррикад. В то время как социал-демократы еще могли, как и ранее, войти во временное революционное правительство в союзе с «мелкобуржуазными демократами» (согласно предвидению Ленина, в решающий момент они способны «качнуться влево»), им нельзя было иметь ничего общего с «социал-шовинистами», которые практически представляли собой весь организованный российский социализм. В революционной схеме Ленина Советы неизменно сохраняли роль узловых центров восстания и органов революционной государственной власти¹⁶.

Февральская революция и образование временного буржуазного правительства произошли в соответствии с меньшевистской теорией буржуазной революции, а не согласно революционной теории Ленина и той схеме, которую он набросал в 1905 году. Это увеличило его презрение и враждебность в отношении «мелкобуржуазных» руководителей Советов, вроде Чхеидзе, Суханова и Стеклова, которые добровольно передали власть в руки буржуазии, вместо того чтобы самим сформировать революционное правительство. Теперь он больше всего беспокоился о том, чтобы мобилизовать петроградских большевиков и изолировать их от «революционной демократии» в преддверии «перехода от первого ко второму этапу революции» — завоеванию власти и установлению «революционной диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства»; именно это определение легло в основу его нового революционного проекта¹⁷.

Буржуазно-демократическая революция в России, согласно этому определению, уже завершилась и с социальной, и с политической точек зрения, закончившись «двоевластием»: властью временного буржуазного правительства и не признанного официально «мелкобуржуазного» правительства Советов (то есть пролетариата и крестьянства). В экономическом плане неизбежность социалистической революции в Европе, в которой русская революция была и прологом, и неотъемлемой составной частью, устраняла необходимость капиталистического этапа развития в России¹⁸.

После того как была исключена возможность объединиться в коалиционном социалистическом правительстве со сто-

¹⁵ Там же, т. 49, с. 190.

¹⁶ См. там же, т. 27, с. 26—30, 49—50.

¹⁷ См. там же, т. 31, с. 5—6, 18—19, 21 и 36.

¹⁸ См. там же, с. 132—137.

ронниками «оборонительной войны», то есть с большей частью «революционной демократии», следующим пунктом на повестке дня стала для Ленина диктатура большевистской партии, организованная в Советы или в «коммуны», то есть, выражаясь классически и марксистскими терминами, в «революционную диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства». В этом смысле возникновение идеи Ленина совершить вторую революцию после той, что свергла царизм, и в то же время привести к власти сугубо большевистское правительство можно отнести к сентябрю 1915 года, когда он решил не иметь ничего общего с «социал-шовинистами»; это решение еще более утвердилось в марте 1917 года, когда он начал настаивать на «самостоятельности и особенности „нашей партии“» и на собственном бесповоротном намерении вести Россию «к коммуны, а другим целям служить я не стал бы»¹⁹.

Политическая стратегия Ленина была нацелена прежде всего на «самостоятельность» и беспрекословное подчинение интересам партии, совместно с кампанией беспощадного разоблачения «нового правительства» и «мелкобуржуазных» руководителей Советов²⁰, «социал-патриотов» и, что было еще худшим в его глазах, «колеблющихся». Ближайшей целью являлся контроль и укрепление большевистской партии, агрессивной в своей независимости, партии, которой в конце концов предстояло завоевать поддержку масс.

Еще в марте Ленин «издалека» сурово осудил Матвея Муранова за то, что тот отправился в Кронштадт вместе с меньшевистским лидером Михаилом Скобелевым и предупредил Каменева об опасности сотрудничества с руководителями Советов: «Каменев должен понять, что на него ложится всемирно-историческая ответственность»²¹.

2. Столкновения со «старыми большевиками»

По прибытии в Петербург в первые дни апреля 1917 года Ленин без труда смог сдерживать нетерпеливых радикалов Военной организации большевистской партии и членов Выборгского комитета, которые полагали, что они «левее самого Ленина»²². Основным для него было заставить большевистских умеренных руководителей, таких, как Каменев, Алексей Рыков и Муранов, понять, что их медовый месяц с меньшевистской «революционной демократией» подошел к концу.

¹⁹ Там же, т. 49, с. 411.

²⁰ См. там же, с. 402.

²¹ Там же, с. 423.

²² Слова принадлежат Людмиле Сталь. См.: 7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б). Протоколы. М., 1958, с. 43.

Каменев и Рыков, однако, полагали, что ленинская революционная программа 1905 года намного лучше подходила для интересов марксизма и России, и составили твердую оппозицию «необольшевизму» «Апрельских тезисов». Несмотря на то что Ленин настаивал на решительном разьединении сил, они продолжали считать себя членами «революционной демократии», в особенности ее интернационалистского крыла. Что же касается тезисов Ленина о «шагах вперед по пути к социализму» в его «генеральном плане», то Каменев их отверг, считая эти тезисы подходящими более для революции в развитых странах, таких, как Англия, Германия или Франция, а вовсе не для «неполной демократической революции» в России, «самой отсталой европейской стране с экономической точки зрения», где в деревнях еще не до конца искоренили крепостное право²³.

Ленин тут же парировал удар, обвиняя большевиков, которые все еще придерживались, по его мнению, устаревшего лозунга «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», в том, что они в самом деле «перешли» в лагерь «мелкобуржуазных элементов», таких, как Чхеидзе, Церетели, Стеклов, эсеры и другие «революционные оборонцы». Подобные большевики, заявлял он саркастически, заслуживают того, чтобы сдать их «в архив „большевицких“ дореволюционных редкостей (иначе говоря в архив „старых большевиков“)». Новой непосредственной задачей большевиков в России было не «введение» социализма», а скорей создание «государства-коммуны», которая в зародыше уже существовала в Советах рабочих и солдатских депутатов, при условии освобождения последних от мелкобуржуазного руководства²⁴.

Как и следовало ожидать, «необольшевизм» «Апрельских тезисов» подвергся нападкам со стороны как Георгия Плеханова, так и меньшевиков, в особенности Александра Мартынова. Плеханов вступил на арену борьбы с верительными грамотами и авторитетом марксиста, которые были сильно подмочены его «оборончеством» и повсеместно известной германофобией. Его первая статья против «Апрельских тезисов»²⁵ открылась слабой попыткой переложить «ответственность за настоящую войну» целиком на плечи Германии и, таким образом, избавить от ответственности Россию. В этом вопросе Плеханов направил всю мощь своей полемики на

²³ См.: Л. Б. Каменев. Наши разногласия. — «Правда», 8 апреля 1917 года, № 27; Л. Б. Каменев. О тезисах Ленина. — «Правда», 12 апреля 1917 года, № 30.

²⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 133—134, 142.

²⁵ См.: Г. В. Плеханов. О тезисах Ленина. — «Единство», 9—12 апреля 1917 года; в кн.: Г. В. Плеханов. Год на родине. Париж, 1921, с. 19—29.

довольно двусмысленный тезис ленинского «необольшевизма», то есть на противоречие между «ниспровержением капитала» и «полным разрывом»... «со всеми интересами капитала», на то, что в первом тезисе Ленин говорил как «коммунист», если даже не анархист, о «социалистической революции» в отсталой России и одновременно успокаивал свою «марксистскую совесть» с помощью восьмого тезиса, где говорилось: «Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача...» Старомарксистская «логика» Плеханова учила совершенно другому: «Если в данной стране капитализм не достиг более высокой стадии, когда он входит в противоречие с развитием производительных сил, абсурдно призывать трудящихся города и деревни и бедное крестьянство свергать его... и не менее абсурдно призывать их к захвату власти». Если русский пролетариат проголосует за анархическую «логику» Ленина, считал он, это будет означать, что напрасно потрачено «более тридцати лет пропаганды марксистских идей в России», и к тому же возвестит о конце «нашей политической свободы».

Повторяя начинание 1905 года²⁶, меньшевик-интернационалист Александр Мартынов развернул свою атаку против «революционного авантюризма» Ленина²⁷. Согласно Мартынову, революционная программа Ленина, предусматривающая ниспровержение капитала и передачу власти в руки пролетариата (буквально — «ленинской секте социал-демократии») и в то же время говорящая о вере в революцию на Западе, которая положит конец войне, имела бы смысл только в том случае, если бы социалистическая революция на Западе произошла раньше. На Западе же не было «никаких признаков социальной революции», поскольку широкие слои рабочего класса все еще поддерживали в Германии Филиппа Шейдемманна, а во Франции Пьера Реноделя. Только «отчаянный утопист» мог требовать от «экономически отсталой страны», истерзанной войной и находящейся во власти экономического краха, начать социалистические преобразования. На самом же деле Ленин отрицал немедленное введение социализма в России (и в этом Мартынов был недалек от истины)²⁸; его истинной целью было совмещение строжайших экономических мер «военного социализма», какой практиковался в Германии и Англии, с диктатурой пролетариата в целях создания «социалистического строя».

Похоже, что Ленин не знал о критике Мартынова, но он

²⁶ См.: А. Мартынов. Две диктатуры. Женева, 1905.

²⁷ А. Мартынов. Революционный авантюризм. — «Летучий листок меньшевиков-интернационалистов», май 1917 года, № 1, с. 11—12.

²⁸ О том, какое влияние оказывал на Ленина *Kriegssozialismus* (военный социализм — нем.), см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30, с. 397; т. 31, с. 100, 141—143.

поспешил начать полемику с Плехановым, в частности по вопросу о его табу на захват власти²⁹. То, что Россия еще не созрела для истинного социализма, — это верно, говорил он, но она, несомненно, была подготовлена для демократии, и даже такой «социал-шовинист», как Плеханов, или «вульгарный буржуазный демократ» из «Речи» Милюков ничего не могли возразить против передачи власти в руки трудящихся масс России, «подавляющего большинства» населения страны. Меры, которые могло осуществить правительство этих масс — национализация банков и земель, государственный контроль над экономикой, — были бы лишь «первыми шагами к социализму», но с помощью более развитого европейского пролетариата они могли привести Россию к социализму.

На Апрельской конференции ленинский «небольшевизм» стал предметом дискуссии среди самих большевиков. Некоторые делегаты с трудом восприняли то, что он назвал старых товарищей — социал-демократов и революционеров — «мелкими буржуа», и даже Григорий Зиновьев заметил, что «в рядах меньшевиков» было «много рабочих», да и на Западе различные социал-демократические шовинистические партии, по крайней мере по своему «составу», были рабочими. Михаил Калинин поэтому предложил называть лидеров меньшинства «либеральными рабочими политиками»³⁰.

Однако основное наступление было предпринято со стороны «старых большевиков», таких, как Каменев, Рыков и Виктор Ногин, которые противопоставляли ленинской программе аргументы, вполне достойные арсенала меньшевиков. Настаивая на том, что Россия была еще «самой мелкобуржуазной страной Европы», Рыков утверждал, что ее буржуазная революция еще не закончилась и поэтому нельзя было ставить социализм в повестку дня. Посему социал-демократы должны были твердо придерживаться программы-минимум и с этой целью, несомненно, могли как независимая пролетарская партия «блокироваться с революционной демократией». Что касается социализма, то спрашивалось: «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? Я думаю, что по всем условиям, по обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота не должна принадлежать нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма»³¹.

Однако Ленин не был в этом абсолютно уверен:

²⁹ См. там же, т. 31, с. 300—303.

³⁰ «7-я (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (б)», с. 49, 52.

³¹ Там же, с. 78—86, 103, 106—107, 108—112.

«Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм.

Маркс сказал, что Франция начнет, а немец доделает. А ведь русский пролетариат добился больше, чем кто-либо»³².

Первое столкновение между «необольшевизмом» Ленина и «старобольшевизмом» Каменева и Рыкова, казалось, закончилось компромиссом, выразившимся в формировании ЦК, избранного Апрельской конференцией, и принятии общих резолюций. Радикалам это, вероятно, показалось чем-то вроде призыва к социалистической революции, а умеренные восприняли все это лишь как начало систематической и «продолжительной работы» по воспитанию кадров; постоянные же напоминания об отсталости России и об опасности «немедленных социалистических преобразований» могли рассматриваться как указания, подтверждающие необходимость буржуазно-демократической фазы до начала социалистической революции³³.

Здесь не место анализировать все поправки, добавления и исправления, которые внес Ленин в свою теорию в период между апрелем и октябрём 1917 года, но основная задача достижения партией самостоятельности для подготовки будущей революции и захвата власти большевиками оставалась, во всяком случае, неизменной. Основные направления его стратегической мысли выявились уже в мае 1917 года. Негодуя против «хаоса фраз, настроений, „упоений“» после Февральской революции и считая «революционную демократию» равнозначной «реакции», он подчеркивал, что сейчас существует «неслыханная легальность», которая позволяет большевистской пропаганде дойти до миллионов людей, а также — «главное», — что Россия из-за «войны и голода» переживает «канун краха невиданной величины». Отсюда лозунг: «Быть твердым, как камень, в пролетарской линии против мелкобуржуазных колебаний. Влиять на массы убеждением, разъяснением». Готовиться к краху в революции в 1000 раз сильнее Февральской». Ленин в особенности настаивал на агитации, а отвечая на обвинения в демагогии, говорил: «Всех в этом обвиняли во всех революциях»; притом «именно марксизм — гарантия»³⁴ того, что пропаганда не примет самодовлеющего характера.

Таковы были заметки и мысли Ленина, которые на практике продемонстрировали столь редкое в среде русских марксистов упорное стремление к власти, особенно в его знаменательном выступлении на I съезде Советов 4 июня. Ираклий Церетели, глава меньшевистско-эсеровской коалиции, кото-

³² Там же, с. 112. См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, с. 341.

³³ См. там же, с. 244, 257.

³⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 439—442.

рая доминировала в Советах в период Временного правительства, выступал на съезде в защиту своей коалиционной политики, отстаивая необходимость «собрать вместе все живые силы страны», и заметил, что «нет в России политической партии, которая могла бы заявить: «Дайте нам власть, уходите, и мы зайдем ваше место». В России нет такой партии!» «Есть такая партия!» — тут же ответил Ленин. Чуть позже, в тот же вечер, он принял вызов Церетели и заявил, что его партия готова «каждую минуту... взять власть целиком». Ни одна из политических партий, утверждал он (а мы добавим — и русская марксистская партия), не имела права «от этого отказываться»³⁵.

Этой концепции, то есть того, что большевики должны себя изолировать от «оппортунистов», взять власть и привести Россию к коммуне, Ленин придерживался также и в работе «Государство и революция» (август — сентябрь 1917 года), где в поддержку собственных тезисов он ссылался на «разъяснения Маркса и Энгельса периода 70-х годов об опыте Коммуны»: «Оппортунизм *не доводит* признания классовой борьбы как раз до самого главного, до периода *перехода* от капитализма к коммунизму, до периода *свержения* буржуазии и полного *уничтожения* ее. В действительности этот период *неминуемо* является периодом *невиданно ожесточенной* классовой борьбы, *невиданно острых* форм ее, а следовательно, и государство этого периода *неизбежно* должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)»³⁶.

Во время революционного восстания, за которым в конце августа 1917 года последовал корниловский мятеж, Ленин неустанно призывал к «самоизоляции», вплоть до того, что добился вывода Давида Рязанова из большевистского ЦК только за то, что тот во время демократической конференции назвал Церетели «товарищем». Он также приказал Анатолию Луначарскому выйти из редколлегии «Новой жизни», печатного органа независимых левых³⁷. А Каменев тем временем отчаянно пытался сохранить связи с русской «революционной демократией» и завязать отношения с международным социалистическим движением.

Столкновение стало открытым, когда, выступая против бойкота со стороны Ленина и большевиков, Каменев поддержал так называемую мирную конференцию социалистов в

³⁵ «Первый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Л., 1930, т. 1, с. 65—66, 70 (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, с. 267).

³⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 35.

³⁷ См.: «Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б), август 1917—февраль 1918». М., 1958, с. 67—75.

Стокгольме (III Циммервальдская конференция)³⁸, встал на примиренческую позицию, обещая мирной конференции поддержку большевиками демократического «однородного» правительства³⁹, и выступил против выхода большевиков из «Предпарламента»⁴⁰. Затем это столкновение превратилось в самую настоящую конфронтацию. В ответ на яростные призывы Ленина к наиболее нерешительным большевистским лидерам взять власть Каменев 15 сентября убеждал ЦК большевиков отказаться от «практических предложений», выдвинутых Лениным в его статьях «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание»⁴¹.

Эти критика и отказ ленинского решения совершить великий шаг и взять власть превратились 11 октября, то есть на следующее утро, после того как ЦК большевиков принял резолюцию Ленина, которая ставила «в порядок дня вооруженное восстание», в настоящий бунт: Каменев и Зиновьев в открытом письме руководству партии позволили себе «выступить с предупреждением» против «гибельной политики» Ленина⁴². Как в письме⁴³ так и в ходе заседания большевистского ЦК 16 октября⁴⁴ они критиковали Ленина за то, что он переоценивает перспективы революции в Европе, а также военную силу и поддержку народа, на которую большевики могли рассчитывать в борьбе с правительством Керенского. Здесь же они останавливались на опасностях и риске, которыми было чревато вооруженное восстание как для большевистской партии, так и для русской и европейской революции, поскольку, по их мнению, восстание было основано на «глубокой исторической лжи», будто его надо делать «сейчас или никогда». Но основной огонь их аргументации был обращен против окончательного разрыва с «мелкобуржуазными партиями» и демократическими традициями социал-демократии, наперекор которым большевики стремились взять власть. Они рисовали «великолепные перспективы» для большевистской партии, которая должна была получить по крайней мере треть парламентских голосов на выборах в Учредительное собрание, подчеркивали тот факт, что поворот меньшевиков и эсеров, а также «доброй трети» русских мелких буржуа влево, их переход на сторону рабочего класса против буржуазии обеспечат большевистской партии роль сильной оппозиции и даже правящей партии. Подобное Учредительное собрание, созданное в «атмосфере высокой рево-

³⁸ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, с. 70—72.

³⁹ См.: «Рабочая газета», 21 сентября 1917 года, № 166.

⁴⁰ «Протоколы...», с. 76.

⁴¹ См. там же, с. 55.

⁴² Там же, с. 86.

⁴³ См. там же, с. 87—92.

⁴⁴ См. там же, с. 93—104.

люционности» и поддержанное властью Советов, могло-де стать великолепной оппозицией, чтобы развернуть «дело революции».

«Учредительное собрание плюс Советы — вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которому мы идем. На этой базе политики наша партия приобретает громадные шансы на действительную победу»⁴⁵.

Таким образом, в то время как в «анализе классовой борьбы как в России, так и в Европе» Ленин искал и находил подтверждение своему агрессивному курсу на вооруженное восстание, которое должно было привести большевистскую партию к власти⁴⁶, Каменев и Зиновьев извлекли из собственной оценки момента и «основных сил русской революции» совсем иной урок, заключающийся в необходимости продолжать готовиться к съезду Советов и созыву Учредительного собрания, в ходе которых, как они предполагали, большевики станут играть руководящую роль в коалиции с левыми эсерами и некоторыми независимыми депутатами от крестьянства, а возможно, и в еще более широком союзе с радикальными элементами «мелкобуржуазных партий»⁴⁷.

Не может быть особых сомнений в том, что Октябрьская революция и устанавливаемая ею диктатура пролетариата были предreshены самим Лениным, хотя известную роль в их конкретной реализации сыграл и Троцкий. Троцкий и сам настаивает на исключительной роли Ленина в преодолении «сопротивления большевистских лидеров» в ходе Октябрьского восстания⁴⁸. Итак, накануне Октябрьской революции в безнадежных попытках запретить большевикам «действовать самим по себе» и устанавливать диктатуру партии рухнул последний бастион «старого» большевизма. Как сказал Ногин 1 ноября в ходе драматической дискуссии по поводу провала переговоров с Викжелем о создании широкой социалистической правительственной коалиции — «от народных социалистов до большевиков», «вопрос о природе нашей революции, увы, уже разрешен. Уже не стоит говорить, что наша партия завоевала власть», но «переломный момент» заключается в том, «как нам действовать дальше, если мы отстроим от себя остальные партии»⁴⁹. Вопрос был разрешен Лениным и Троцким в ходе той же дискуссии в Петроградском комитете 1 ноября, когда они настояли на том, что «никаких компромиссов» быть не может, что правительство будет «одно-

⁴⁵ «Протоколы...», с. 88.

⁴⁶ См. там же, с. 94.

⁴⁷ См. там же, с. 99—100, 90.

⁴⁸ *Trotsky's Diary in Exile* (1935). Cambridge (Mass.), 1958, p. 54.

⁴⁹ Наброски в ходе заседания Петроградского ЦК большевиков 1 ноября 1917 года, см.: *L. Trotsky. The Stalin School of Falsification*, New York, 1937, p. 120.

родным большевистским», и готовились «арестовать всех», прибегнуть к террору, несмотря на Луначарского и всех «старых», «рыхлых» большевиков, которые звали к «примирению с меньшевиками и социал-революционерами» и предлагали «однородное социалистическое правительство», которое не будет прибегать к насилию⁵⁰.

2 ноября, выступая на чрезвычайном заседании ЦК большевиков, Ленин, который сам назвал его «историческим», обвинил старобольшевистскую оппозицию в том, что она саботирует «диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства», и подчеркнул, что «нельзя отказываться от чисто большевистского правительства, не предавая лозунга: „Вся власть Советам!“». Резолюция Ленина обязывала «меньшинство» подчиниться партийной дисциплине⁵¹. В ответ на это 4 ноября из состава ЦК и Совета Народных Комиссаров добровольно вышло довольно большое число большевистских лидеров. Обнародованное по этому поводу прочувствованное сообщение стало лебединой песней «старобольшевизма». Мотивировка этого ухода была зачитана на заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов в заключение отталивающей и угрожающей дискуссии о свободе печати⁵²:

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий... Мы полагаем, что вне этого есть только один путь сохранения чисто большевистского правительства — политический террор. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, к установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и поэтому слагаем с себя перед ЦИК звание народных комиссаров»⁵³.

Поскольку это было последнее критическое выступление «старого большевизма» против ленинского «Октября», то и последний ропот по этому поводу заглох уже к 11 декабря 1917 года, когда Ленин предложил ЦК распустить и создать заново временное бюро большевистской фракции депутатов, выбранных в Учредительное собрание (в него входили Каменев, Рыков, Рязанов, Ногин и Владимир Милютин), утверждая, что члены этой фракции во многих случаях одобряли (в теории и на практике) «понятие, не вяжущееся с социал-

⁵⁰ См. там же, с. 110—115.

⁵¹ См.: «Протоколы...», с. 131—134 (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, с. 260—262).

⁵² См.: «Новая жизнь», 5 ноября 1917 года, № 173; «Известия», 5 ноября 1917 года, № 217.

⁵³ «Протоколы...», с. 136.

демократией, отражающее буржуазно-демократический взгляд на Учредительное собрание, абстрагированный от реальных условий классовой борьбы и гражданской войны»⁵⁴. Как заявил на следующий день Моисей Урицкий в Петроградском ЦК большевиков, в то время, как «мы думаем, что боремся за пролетариат и беднейшее крестьянство... они считают, что мы совершаем буржуазную революцию, кульминацией которой станет Учредительное собрание»⁵⁵.

3. Меньшевики против «диктатуры меньшинства»

С исчезновением «старобольшевизма» задача продолжения социал-демократической критики ленинского «Октября» стала основной в деятельности меньшевиков — от правых типа Александра Потресова до правоцентристов вроде Павла Аксельрода и левых, которыми с декабря 1917 года руководил их признанный вождь Юлий Мартов. Резким обвинительным актом против Октябрьской революции со стороны русского ортодоксального марксизма прозвучало «Открытое письмо к петроградским рабочим», опубликованное Плехановым 27 октября 1917 года⁵⁶. Напоминая о классическом предупреждении Энгельса насчет «преждевременного» захвата власти, Плеханов предсказывал русскому рабочему классу (и вообще всей России) «самое крупное историческое поражение» из-за того, что они не прислушались к этому совету. Во-первых, утверждал он, в России не было «экономических предпосылок» для диктатуры пролетариата. К тому же пролетариат представлял собой меньшинство, в то время как диктатура могла быть успешно осуществлена при наличии пролетариата, составляющего большинство населения, и «ни один социалист» не способен это опровергнуть. Даже участие крестьян не позволяло компенсировать отсутствие большинства и других необходимых предварительных условий, поскольку русских крестьян интересовали только поместья землевладельцев, а не свержение капитализма, и поэтому они были ненадежным союзником в строительстве социализма. Плеханов утверждал, что было бы глубочайшей ошибкой надеяться на помощь немецкого пролетариата русскому пролетариату, поскольку в Германии, впрочем, как и во Франции, Англии и Соединенных Штатах, даже политическая революция, не говоря уже о революции социалистической, казалась в это время невозможной. Русский пролетариат оказывался,

⁵⁴ Там же. с. 160, 279—280.

⁵⁵ «Первый легальный Петроградский Комитет большевиков в 1917 году», под ред. Ф. Куделли. М.—Л., 1927, с. 374.

⁵⁶ См.: «Единство», 28 октября 1917 года, № 173 (Г. В. Плеханов. Год на родине, с. 244—248).

таким образом, в изоляции. В этих условиях, заключал Плеханов, преждевременный захват власти изолированным от остального мира русским пролетариатом привел бы не к социализму, а, скорее всего, к гражданской войне, которая поставила бы под удар даже результаты Февральской революции. Следовательно, конечная цель русской революции — «победа пролетариата» — могла быть достигнута только после определенного периода «объединения всех жизненных сил страны», то есть периода, в течение которого правительство представляло бы все классы и социальные слои, не желающие «реставрации старого порядка».

Павел Аксельрод, который вместе с Плехановым положил начало марксизму в России, возглавлял умеренное крыло меньшевистской партии, настроенное менее антибольшевистски, нежели Плеханов и меньшевики-«оборонцы» (Потресов, Владимир Левицкий, Марк Либер). Он считал в одинаковой мере бессмысленными и аморальными и призывы к вооруженному восстанию, и политику Мартова и меньшевиков (поиск компромисса с большевиками). Будучи основным эмиссаром меньшевиков в их бесплодных попытках мобилизовать общественное мнение социалистически настроенной Европы для «социалистического осуждения» большевистского террора и преследования социалистических партий в Советской России⁵⁷, Аксельрод не мог ограничиться лишь обвинением большевистского строя в «контрреволюционности». В течение многих лет он продолжал исследовать и комментировать его деятельность, и этот постоянный анализ с вытекающими из него обвинениями большевизма не следует замалчивать. В отличие от своих соратников-меньшевиков Аксельрод не проявлял особого интереса к социальной основе или исторической роли большевизма. С его точки зрения, наибольшее значение имела конспиративная техника и организационный метод, принятые «якобинским» меньшинством для узурпирования власти. По его мнению, большевики-ленинцы использовали здесь свой опыт, накопленный в период «предреволюционной тренировки» в ходе неоднократных попыток установить контроль над Российской социал-демократической партией, который они в ходе и после Октябрьской революции распространили на более «широкие сферы» русского общества.

Готовясь к Октябрьской революции⁵⁸, большевики поставили перед собой единственную цель — завоевать «монополию власти для собственной партии»; они были уверены, что

⁵⁷ См.: *A. Ascher, Pavel Axelrod and the Development of Menshevism*. Cambridge (Mass.), 1972, cap. X, passim.

⁵⁸ Herostraten. *Die russische Revolution und die sozialistische Internationale: aus dem Literarischen Nachlass von Paul Axelrod*. Jena, s. d., S. 140, 152.

это послужит «факелом, который разожжет огонь эсциальной революции на Западе»⁵⁹. Если бы их руководство действительно стремилось решить проблемы России — обеспечить мир, провести аграрную реформу и образовать демократическое революционное правительство, о чем они претенциозно заявляли в своих «вводящих в заблуждение демагогических выступлениях», они бы нашли, утверждал Аксельрод, добровольных союзников в социалистическом большинстве Демократического Совещания, в «Предпарламенте» и в Учредительном собрании. Однако их военная хитрость в октябре имела единственной целью предотвращение широкой социалистической коалиции подобного типа⁶⁰, а возникший на этой основе строй был не чем иным, как «преторианской диктатурой небольшой группы, руководимой Лениным и Троцким», которая создала себе опору в массах, опираясь на примитивные инстинкты и ненависть бедных к богатым, к живущим в достатке и образованным людям⁶¹. Поэтому, по его мнению, к преступлениям ленинцев против социал-демократии после 1903 года и в ходе всей борьбы между большевиками и меньшевиками теперь добавлялось еще одно, и притом более тяжкое преступление, против одного из главных принципов русского марксизма, отвергавшего как «утопию» прыжок России в социализм; это преступление состояло в том, что большевики узурпировали власть ради придуманной ими цели немедленного установления коммунистического строя в экономически отсталой России в эпоху, когда в развитых странах еще преобладал капитализм⁶². Этот самонадеянный скачок закончился «безжалостной контрреволюцией», и потому, согласно Аксельроду, было бы «истинным богохульством» со стороны социалистов сравнивать «деспотический режим народных комиссаров» с Парижской Коммуной 1871 года или с правительством якобинцев 1793 года и к тому же приписывать им заслугу «впервые в истории пролетариата захватить государственную власть». В действительности все это было скорее похоже на преступление Герострата, совершенное, однако, для того, чтобы «попасть в историю под марксистским знаменем» путем манипуляции пролетарскими массами и армией, перешедшей на сторону революции⁶³.

Обвинительная кампания, начатая Аксельродом против Октябрьской революции в январе 1918 года в частном письме Карлу Каутскому, в котором он без обиняков охарактере-

⁵⁹ Ibid., p. 135, 151.

⁶⁰ Ibid., p. 134—137.

⁶¹ Ibid., p. 153—157.

⁶² Ibid., p. 157—158; см.: П. Аксельрод — Л. Мартову, конец 1920 года, *ibid.*, p. 183.

⁶³ Ibid., p. 158.

ризовал ее не более как «историческое преступление, беспрецедентное в современной истории»⁶⁴, была продолжена три года спустя в тех же тонах в открытом письме к Мартову⁶⁵. В этом письме он призывал Мартова, его соратников-меньшевиков и социалистов не поддаваться обману «внешней революционности и революционного прошлого тех, кто по сути дела являются самодержцами, и не попадать под влияние псевдореволюционных фраз, с помощью которых они обманывают весь мир». Он советовал им не тратить времени на размышления об истории того, как родилось «большевистское самодержавие», или на классовый анализ «диктатуры хоть какой-то части пролетариата», а просто разоблачать ее истинную сущность. Это «диктатура небольшой группы, которая, взбаламутив сотни тысяч вчерашних рабочих, крестьян, солдат и мелких буржуа, объединила их сегодня в новый класс-гегемон. Она опирается на этот класс и с его помощью терроризирует население в сто пятьдесят миллионов человек, распространяя свое влияние и на ту часть пролетариата, которая была нашей»⁶⁶.

Независимо от характера окончательного приговора, вынесенного Аксельродом, существует глубокая связь между этим приговором, первым упреком в адрес ленинизма, брошенным в 1904 году, и выдвинутым в 1908 году обвинением «секретного большевистского центра», который он именовал «центром якобинства» и «черносотенно-уголовной бандой», в пагубной деятельности внутри российской социал-демократии⁶⁷. Анализ Аксельрода был, таким образом, строго ограничен основными действующими лицами, то есть большевистской элитой, ее методами действий и ее стремлением к власти до, во время и после Октябрьской революции; он лишь поверхностно касался масс, участвовавших в этой революции. Они, по его мнению, оставались лишь объектом манипуляции. (В этом Аксельрод проявился как типичный рабочий представитель меньшевистской партии.)

Крайние и порой курьезные обвинения против Октябрьской революции выдвигал Александр Потресов, духовный вождь небольшой антибольшевистской группировки меньшевиков, в которую входили Владимир Левицкий и Марк Либен. Это была крайне правая группа меньшевиков, которая вышла из партии в 1918 году. Для Потресова не существовало

⁶⁴ См.: П. Аксельрод — К. Каутскому, в работе А. Ашера (A. Ascher, *op. cit.*, p. 333).

⁶⁵ См.: П. Аксельрод — Л. Мартову, конец 1920 года (Herostraten. Die russische Revolution..., *op. cit.*, p. 180—205).

⁶⁶ *Ibid.*, p. 186—188.

⁶⁷ *Ibid.*, p. 42—46, 140, 152, 181—182. П. Аксельрод — Мартову, 29 сентября 1909 года. — Письма П. В. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924, с. 200.

никаких дилемм, над которыми мучилось большинство меньшевистской партии перед лицом узкобольшевистской диктатуры, которую тем не менее широко поддерживал пролетариат. Октябрьская революция для него оставалась просто-напросто военной хитростью, которую осуществила кучка способных большевистских «режиссеров», взявших власть с помощью крестьянской армии, «скорее по-азиатски, нежели по-европейски», а большевизм — в лучшем случае «социализмом сумасшедших», который нельзя «ни контролировать, ни усмирить», а можно только «разбить». Он считал, что, скорее всего, это была «болезнь, которой заразился пролетариат». Поэтому вооруженная борьба против большевизма, на которой настаивал Потресов, «не разгромила бы пролетариат, а по крайней мере вылечила бы его»⁶⁸. Начатая «буржуазно-пролетарским союзом промышленных сил» борьба против большевизма явилась бы актом мщения «торгово-промышленного города... глубоко реакционному мужику», который уже задавил революцию 1917 года и теперь своей «солдатско-крестьянской анархией» грозился убить будущее России. Основное зло в трагедии «несчастливого 1917 года» приписывалось «грязному мужику в солдатской форме», который «топтал промышленный город», маршируя по развалинам прогрессивной «капиталистической экономики и цивилизации», а затем вдруг под маской «рабоче-крестьянского правительства»⁶⁹ начал тиранить всю Россию.

Таким образом, Потресов предлагал России решительный выбор между прыжком в пропасть «немедленного построения социализма», к чему стремились большевики, и скачком вверх к буржуазно-капиталистическому развитию, в котором, как он утверждал, русский пролетариат нуждался больше всего. Его панацея была, собственно говоря, лишь более решительным вариантом или коалиционного правительства 1917 года, а в экономической области — возвратом к «капиталистическому развитию»⁷⁰. Но этот «возврат к капитализму» не обладал привлекательностью, особенно в сочетании с призывом к вооруженному восстанию против большевистского режима, и потому не удивительно, что Потресов не встретил достаточной поддержки даже в среде своих товарищей-меньшевиков, или «полумарксистов», как он их презрительно называл. Они гораздо больше боялись контрреволюции, чем ненавидели большевизм.

Их истинным глашатаем стал Мартов. Он же выступил с

⁶⁸ А. Потресов. Очищение. — «Друг народа», 5 ноября 1917 года, № 2.

⁶⁹ «Полумарксистам». — «Новый день», 17(4) февраля 1918 года, № 4; «Общественное дело». — Там же, 28(5) марта 1918 года, № 3.

⁷⁰ А. Потресов. Пафос стрелительства. — «Новый день», 21(8) февраля 1918 года, № 7.

наиболее связной критикой революции и большевистской диктатуры. Как лидер оппозиции меньшевиков-интернационалистов в меньшевистской партии в период Временного правительства, Мартов решительно отмежевался от *Burgfrieden* (гражданского мира — нем.) «оборонцев» типа Потресова и Плеханова, а также от «коалиционизма» Церетели и Федора Дана, лидеров «революционных оборонцев» — меньшевиков в 1917 году. В отличие от них он отстаивал «демократическое» правительство на широкой основе, нечто вроде правительства народного фронта, из которого следовало исключить буржуазную партию кадетов. «Демократическое» правительство, которое он предложил в 1917 году, с марксистской точки зрения было импровизированным ответом на вопрос о власти в буржуазной русской революции, который, как он слишком поздно обнаружил, вышел за рамки «творческих сил» русской буржуазии, преждевременно уставшей от революции или открыто перешедшей в лагерь контрреволюции. Он же рассматривал такую возможность в 1905 году, правда, как трагическое стечение обстоятельств, и несомненно, что это близко подвело его к революционной теории, которую в то время выдвигал Ленин. В этом смысле можно оправдать Церетели, который назвал его полупленинцем.

Поэтому Мартов, хотя и был напуган насильственной и военной организацией большевистской Октябрьской революции⁷¹, без особого труда принял ее как «естественное историческое следствие» краха Временного правительства и в особенности краха социалистического умеренного руководства Советов перед лицом великих проблем революции⁷². Сначала он больше всего старался политическими действиями воспрепятствовать установлению диктатуры большевистской партии, а затем пытался расширить и демократизировать ее; в плане же марксистской полемики он хотел разубедить большевиков, которых он серьезно считал товарищами и марксистами, совершающими ужасную ошибку, в их «утопических иллюзиях». С моральной точки зрения Мартова больше всего возмущал большевистский террор, и его страшные постоянные выступления против этого террора превратили его в «истинную совесть революции». Главной целью усилий Мартова было «исправить» Октябрьскую революцию.

Мартов выступил со своей критикой экономических иллюзий большевистской революции в связи с I Всероссийским съездом профсоюзов в начале 1918 года⁷³, полемизируя с

⁷¹ См.: Ю. О. Мартов — Н. С. Кристи. 30 декабря 1917 года. — Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1959, с. 48—50.

⁷² Речь на внеочередном съезде меньшевистской партии 30 ноября 1917 года. — «Новый луч», 1 декабря 1917 года, № 1.

⁷³ Первый Всероссийский съезд профессиональных союзов, 14 января 1918 года. М., 1918, с. 79—80, 113—116.

Григорием Зиновьевым, который только что (и, возможно, против своей воли) перешел на позиции большевистского максимализма. Одно дело, утверждал Мартов, завоевать власть в отсталой России, где крестьянская армия, уставшая от войны, постоянных поражений и экономических трудностей, перешла на сторону революции, «бросившись в объятия пролетариата», и под его руководством помогла привести большевистскую партию к власти, и совсем другое — как использовать государственную власть, чтобы путем открытого принуждения вводить социалистический способ производства в «обедневшей и разоренной стране в то время, когда ее производительные силы дошли до крайней степени упадка и разрухи». Он утверждал, что необходимы четыре объективных социально-экономических условия, обязательных для социализма, и что в России ни одного из них нет. Первым условием является наличие «носителя социализма» — многочисленного и определяющего состояние экономики рабочего класса, однородного и устойчивого с социальной точки зрения, имеющего мало возможностей или перспектив преодолеть собственные условия существования и перейти в слой мелкобуржуазных собственников. Русский пролетариат был малочисленным и по большей части состоял из сельских элементов, которых толкнула в городскую промышленность война, но которые были еще крепко связаны с деревней. Революционная аграрная реформа, шедшая полным ходом, могла вернуть их обратно в деревню.

Вторым условием Мартов считал зрелость пролетариата как строителя социализма. Пролетариат должен приобрести такой уровень инициативности, организационного и управленческого опыта, который позволял бы ему выделять из своей среды руководящие кадры для налаживания экономики при решении «гигантской задачи» перехода к социализму. Если бы даже он отвечал этим требованиям, то все равно он не обошелся бы без добровольного сотрудничества старого руководящего и технического персонала, разделяющего его цели. Русский пролетариат не был способен управлять промышленностью, а поскольку необходимый технический персонал и «белые воротнички» прочной стеной стояли против прыжка в социализм, то самое большее, на что можно было рассчитывать, — это на их принудительное сотрудничество.

Третьим условием были симпатии населения. Непролетарские массы, и в особенности крестьяне и другие мелкие производители, должны добровольно принять экономику социалистического типа, убедившись, что она для них выгоднее и явно производительнее мелких раздробленных хозяйств. В России дело обстояло иначе: 75 процентов производителей составляли мелкие собственники, и аграрная революция только

улучшала их перспективы обрести статус независимых производителей.

Четвертое условие связывалось с индустриальной экономикой: экономическая жизнь должна концентрироваться и вращаться (как в Германии, Англии и Соединенных Штатах) вокруг комплекса городской и тяжелой промышленности, в крупных центрах, в то время как мелкие города и деревни должны полностью зависеть от этой промышленности и от городских индустриальных центров, работающих на мировой рынок. Но Россия вернулась тогда к примитивному уровню хозяйствования, в котором господствовал простой товарный и натуральный обмен — явный признак столь низкого экономического уровня развития, что даже национализация банков, которой так гордились большевики (издевательски добавлял Мартов), не могла сколь-либо существенно изменить положение.

При отсутствии любого из этих условий, заключал он, было чистой утопией пытаться завоевать и использовать государственную власть как для разрешения проблем России (дать народу мир и землю), так и для создания сильной демократической республики, то есть нельзя было достичь тех целей, ради которых восстал народ, а тем более «совершить прыжок вперед к социализму». Эта авантюра, предупреждал он, окончилась бы катастрофой и для рабочего класса, и для рабочего движения.

Во всяком случае, единственным основным «условием» и главной политической «предпосылкой» для достижения социализма как в отсталой России, так и на прогрессивном Западе Мартову представлялась демократия — «необходимый рычаг в деле социального освобождения рабочего класса»⁷⁴. К концу 1918 года он уже смог заметить, насколько привлекательными для Запада оказались режим большевиков и «советизм», и он нашел объяснение явлению, которое он называл «мировым большевизмом», в максималистском утопизме и антипарламентаризме, которые охватили значительные слои европейского пролетариата; Мартов считал, что это происходит из-за деморализации и примитивизации европейского общества в ходе мировой войны. А результатом этого, согласно Мартову, становится упрочение «большевистской» идеи о том, что только диктатура и сила, а отнюдь не демократические средства позволят разрешить такие важные социально-политические проблемы, как построение социализма.

Глубоко озабоченный «политическим утопизмом» мирового большевизма, Мартов неоднократно выступал против него, особенно резко в серии статей, написанных в начале 1919 го-

⁷⁴ Л. Мартов. Диктатура и демократия. Сборник статей за год. Петроград, 1919, с. 37.

да⁷⁵: «Тезис таков: сплоченное революционное меньшинство, движимое желанием построить социализм, завоюет государственную машину, захватит и сосредоточит в своих руках все средства производства и весь механизм распределения, все формы массовой организации, все ресурсы образования и культуры. Совершив все это, оно, движимое коммунистическими идеалами, создаст для народных масс такие условия, которые постепенно вытравят из их сознания все духовное наследие прошлого, заменив его новым (коммунистическим) содержанием. Тогда и только тогда народ самостоятельно сможет пойти по пути социализма».

Даже если бы «утопическая» программа и смогла быть реализована, настаивал Мартов, она привела бы к диаметрально противоположной цели, хотя бы по той простой причине, о которой уже говорил в свое время Маркс (третий тезис о Фейербахе), а именно — что «сам воспитатель должен быть воспитанным». Реальная же практика подобной диктатуры и отношения, которые она установит между диктаторским меньшинством и массами, «воспитают» лишь диктаторов, то есть кого угодно, только не людей, способных «руководить построением нового общества». Что же касается масс, то подобное воспитание лишь «развратило и довело бы их до деградации». Стало быть, если цель — социалистическое общество, то «необходимым условием» должно быть «максимально возможное развитие организованной инициативы» рабочих масс, а это «абсолютно несовместимо» с «диктаторским режимом меньшинства» и его неизбежными последствиями — «террором и бюрократией»⁷⁶.

Хуже того, увлечение европейского пролетариата максималистским и утопическим большевизмом, согласно Мартову, служило весьма печальным показателем регресса рабочего движения вследствие мировой войны. «Историческое значение» и «важнейший результат» европейского социализма после 1848 года, с его точки зрения, состоял именно в «сознательной связи выступлений пролетариата с пониманием законов исторического развития, поскольку впервые в истории революционный класс отождествлял объективные результаты революционного процесса со своими субъективными целями». Мартов чувствовал, что европейская культура и его рациональная социал-демократическая наука как ее часть рискуют быть отвергнутыми большевизированным рабочим классом. И он опасался этого, поскольку не было «никакой гарантии» того, что усилия и борьба пролетариата не приведут «в качестве объективного следствия» к социально-поли-

⁷⁵ Впервые опубликована в журнале «Мысль» (Харьков) в начале 1919 года; впоследствии (1923) эти статьи были переизданы в Берлинской книгой под общим названием «Мировой большевизм».

⁷⁶ Там же, с. 57—58; «Диктатура и демократия», с. 30.

тическому строю, «полностью отличающемуся» от того, к которому он первоначально стремился⁷⁷.

Через три года Мартов изложил свои опасения, которые в рамках существующего пересмотра меньшевистской политики, сформулированной в серии статей «Социалистического вестника», вылились в понятие бонапартистской «большевистской авантюры»⁷⁸. Он считал, что на протяжении 1918 года Советы превратились в «опасное изобретение»: хваленая «власть Советов» стала «государственной Советской властью», превратилась во «власть комиссаров», которая бюрократизировала и разрушила экономику, «поработила» профсоюзы и фабзавкомы, а после победы в гражданской войне 1918—1920 годов начала ставить вне закона любую социалистическую оппозицию, совершила рейд на Варшаву, подавила кронштадтский мятеж, ввела нэп, вторглась в независимую Грузию. При виде того, как оправдываются многие из самых худших его предположений, и перед лицом «новой исторической обстановки», которую послереволюционная Россия создавала в Европе, где наблюдался спад революции, Мартов понял, что его позиция на полпути между признанием и лояльностью по отношению к режиму большевиков — защитнику и в то же время извращенному наследнику русской революции и утопических устремлений широких слоев пролетариата — стала анахронизмом и потеряла всякий смысл.

Конечно, отмечал он с удовлетворением, начиная нэп, большевики наконец-то отказались от экономического утопизма и «немедленного перехода к социализму», но в то же время было мучительно сознавать, что они фанатически продолжают цепляться за «политическую утопию диктатуры коммунистического меньшинства». По его мнению, эта диктатура переродилась в партийно-государственную бюрократию, предположительно оторванную от пролетарских и советских истоков, и уже находилась на пути к превращению в «бюрократию, которая ставила себя над классами», становясь новым «буржуазным социальным слоем», социальной основой для «бонапартистского прекращения красной диктатуры».

⁷⁷ L. Martov. Der Weltbolschewismus. — In: „Der Sozialist“, 1920, № 48, p. 967.

⁷⁸ Это общее изложение последнего, неоконченного анализа Мартовым режима большевиков в период нэпа (1922) дополняет тему, затронутую в моей более ранней работе. См.: I. Getzler. Martov: A Political Biography of a Russian Social Democrat. Cambridge, 1967, p. 216—217 (итальянский перевод опубликован в Милане в 1978 году). Этот анализ основывается на изучении следующих статей: «На пути к ликвидации». — «Социалистический вестник», 1 ноября 1921 года, № 19; «Диалектика диктатуры». — Там же, 3 февраля 1922 года, № 3(25); «К вопросу о задачах партии». — Там же, 20 июня 1922 года, № 13—14 (35—36); «Наша платформа». — Там же, 4 октября 1922 года, № 19 (41).

Если только демократический вариант не взял бы верх над «бонапартистской комбинацией» внутренних элементов разлагающейся коммунистической партии и над новой буржуазией (а Мартов скорее всего надеялся именно на это), то возрождение старой государственно-бюрократической структуры, которую он отождествлял с нэпом и возрождением капитализма, должно было породить некую форму «цезаризма». Не слишком утешало и то, что «новый персонал» бюрократического государства вместе с его «изменившимся социальным содержанием» делали невозможной простую реставрацию царизма.

С горечью Мартов наблюдал, как близится возмездие России из-за того, что она, презрев «буржуазную демократию», отказалась от нее в 1918—1920 годы как от изжившей себя и сразу же попала под власть «диктатуры ячеек компартии». Он предупреждал: даже в новой исторической обстановке, созданной нэпом, Россия не сможет «дорасти» до буржуазной демократии и приговорена «смириться с тиранией бонапартизма».

4. Детерминизм Каутского

С точки зрения западной социал-демократии, критика и обвинения в адрес революции и большевистского режима со стороны Карла Каутского, который всегда питал интерес к проблемам русской социал-демократии и долгое время глубоко занимался ею, считаются классическими. После определенных колебаний Каутский в ходе резких дискуссий по поводу «организационных вопросов», которые вызвали первый раскол в русской социал-демократии, все-таки отошел к меньшевикам, но в дебатах о русской революции 1905 года во время и сразу после нее он был еще сторонником ленинского анализа и его революционной стратегии⁷⁹, что вызывало большое недовольство у Плеханова и Мартова⁸⁰. Ленин был «настолько доволен» этим, что с удовольствием перевел на русский язык некоторые статьи Каутского.

То, что Каутский воспринял ленинскую точку зрения, не помешало ему тем не менее стать посредником, если не судьей, в вечном конфликте между меньшевиками и большевиками. И он сохранял эту позицию вплоть до начала первой мировой войны. Он старался быть нейтральным, хотя на практике нередко брал сторону большевиков. Однако в годы войны это не помешало Ленину обратить некоторые из своих самых ядовитых выступлений именно против Каутского как главно-

⁷⁹ *K. Kautsky. Triebkräfte und Aussichten der russischen Revolution.*— In: „*Neue Zeit*“, XXV, vol. 1, 1906—1907.

⁸⁰ См.: *Г. В. Плеханов. Сочинения*, т. 25, с. 295—304; *Л. Мартов. Каутский и русская революция.* — «Отклики», 1907, № 11, с. 3—24.

го представителя того социалистического «центризма», который он ненавидел не меньше, если не больше, чем «социал-шовинизм». Каутский ничем на это не ответил, по крайней мере на страницах «Нойе цайт».

С началом Февральской революции он приветствовал падение «ледяного дворца» российского «деспотизма»⁸¹ как «начало новой эры для всей Европы», рассматривая это в нераздельной связи с «вопросом вопросов» — установлением мира. Но больше всего его волновали характер и перспективы русской революции⁸². По его мнению, русская революция была революцией политической, а не социальной. Революция не могла быть буржуазно-капиталистической, потому что «юридически и экономически» капиталисты и значительные слои аграриев уже ранее получили почти все, что требовали. Не могла она быть и пролетарско-социалистической, поскольку пролетариат был еще слишком слабым и незрелым⁸³. Конечно, он играл в революции большую роль, так как мог активно добиваться таких крупномасштабных реформ, как национализация шахт и рудников и даже некоторых отраслей тяжелой промышленности, а также потребовать совершенно нового социального и рабочего законодательства. Но это скорее являло собой «буржуазную программу реформ, чем программу пролетарской революции», и зависело от уровня политической власти пролетариата и от той поддержки, которую он мог получить от крестьянства. Подлинной ставкой в этой игре, «важнейшим аспектом текущей русской революции» было «завоевание демократии» и ее укрепление путем «выборов в Учредительное собрание». На этой основе пролетариат мог вырасти, созреть и подготовиться к последующему «завоеванию политической власти»⁸⁴.

Поскольку политическая демократия была тем, чего больше всего ожидал Каутский от русской революции, то и в его работах о ней и о режиме большевиков снова звучал, ставясь все яростнее, его антибольшевизм, подогреваемый растущим разочарованием и взрывами негодования, что видно из самих названий его статей, от «Диктатуры пролетариата» («Die Diktatur des Proletariats»), написанной в августе 1918 года, за которой последовали в декабре 1918 года «Демократия или диктатура» («Demokratie oder Diktatur»), а в июне 1919 года «Терроризм и коммунизм» («Terrorismus und Kommunismus»), и до работы «От демократии к государственному рабству» («Von der Demokratie zur Staatssklaverei») в авгу-

⁸¹ K. Kautsky. Der Eispalast. — In: „Neue Zeit“, XXXV, vol. II, 1916—1917, S. 609—613.

⁸² См.: „Neue Zeit“, XXXV, vol. II, 1917, S. 505.

⁸³ Ibid., S. 507.

⁸⁴ K. Kautsky. Die Aussichten der russischen Revolution. — In: „Neue Zeit“, XXXV, vol. II, 1917, S. 12—13; id., Stockholm, S. 506—507.

сте 1921 года. Если вначале, наблюдая за первыми шагами большевиков с «благожелательным ожиданием»⁸⁵, он, казалось, еще мог подавлять свои самые мрачные подозрения, то уже в статье, появившейся некоторое время спустя после роспуска российского Учредительного собрания⁸⁶, он поднял основной вопрос, поставленный диктатурой большевистского меньшинства перед теми марксистами, которые пытались примирить Марксово понимание «диктатуры пролетариата» с приверженностью к западной демократии парламентского типа.

После того как он проследил и осмыслил окончательное поражение как русской парламентской демократии, начавшейся с роспуска Учредительного собрания в январе 1918 года, так и советской демократии, когда меньшевики, эсеры и левые эсеры были исключены из Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и почти из всех Советов в июне — июле 1918 года⁸⁷, Каутский начал свою первую атаку против теории и практики большевиков. В августе 1918 года в книге «Диктатура пролетариата» он дал систематическую и обобщенную, но сдержанную критику большевистской революции.

Определяя современный социализм как систему «общественной организации производства» и «демократическую организацию общества», он ставил его осуществление в зависимость от следующих предпосылок: наличия сильного развивающегося и политически созревающего пролетариата, стремящегося к социализму, что в свою очередь зависит от наличия развитой крупной промышленности и достаточной степени демократии, обеспечивающей пролетариату возможность организоваться и созреть. Кроме того, после захвата власти вся сила, зрелость и сознательность пролетариата должны быть направлены на обеспечение жизнеспособности социализма, то есть на то, чтобы «перенести демократию в политике на экономику»⁸⁸.

Хотя он и признавал большевистскую революцию как «знаменательное событие огромной важности для пролетариата всех стран», поскольку «впервые в мировой истории социалистическая партия завоевала власть в огромном государстве»⁸⁹, он считал, однако, что настойчивые попытки больше-

⁸⁵ Id. Die Aussichten des Fünfjahresplanes. — In: „Die Gesellschaft“, VIII, 1931, S. 261—262.

⁸⁶ Краткое изложение статьи см.: P. Loesche. Der Bolschevismus im Urteil der deutschen Sozialdemokratie. Berlin, 1967, S. 123—125.

⁸⁷ В курсе событий в России Каутского держал Александр Штейн, который получал подробные доклады от Мартова. См.: Nikolaevsky Collection. Hoover Institution. Письма Ю. Цедербаума (Мартова) — Александру Штейну от 16 июня и 25 октября 1918 года

⁸⁸ K. Kautsky. La dittatura del proletariato. Milano, 1963, p. 15, 29.

⁸⁹ Ibid., p. 118.

виков установить социализм с помощью диктатуры меньшинства в отсталой аграрной России, где отсутствовали какие бы то ни было предпосылки социализма, обречены на провал. Конечно, большевики ожидали, что их революция послужит отправным пунктом социалистической революции в Европе, которая позволит им преодолеть российскую отсталость, но это была «еще не доказанная гипотеза». Нельзя было положиться на крестьян, которые в ходе начатых большевиками аграрных преобразований предпочли следовать курсу ревизиониста Эдуарда Давида — как ехидно замечал Каутский — и расширили свои мелкие земельные участки за счет крупных земельных владений⁹⁰.

Однако самый горький его упрек был высказан в адрес большевистской теории и практики «диктатуры пролетариата». Он выносил свой приговор «форме правления», которая «на протяжении целой исторической эпохи» с помощью «голой власти» собиралась разоружать оппозицию, лишая ее права голоса, свободы печати и организации. По Каутскому, Маркс понимал диктатуру пролетариата как такую «политическую ситуацию», в которой пролетариат, представляя большинство населения, руководит обществом на «демократических началах» и прибегает к силе лишь в целях «защиты демократии, а не для ее удушения»⁹¹. Он утверждал, что диктатура, подобная большевистской и полагающаяся на «всемогущество воли и силы», приведет лишь к гражданской войне или к «апатии и летаргии масс», в то время как социализм требует активного творческого сотрудничества масс и их «экономического самоуправления», что может быть лишь «в условиях абсолютной свободы». Поскольку социализм — не просто разрушение капитализма и его замена государственно-бюрократической организацией производства, диктатура большевиков, по Каутскому, обречена на провал и «обязательно закончится приходом к власти какого-либо Кромвеля или Наполеона»⁹². Однако, несмотря на все это, русскую революцию, считал он, еще можно было спасти, заменить большевистскую диктатуру демократией. Даже в отсталой России Каутский «не мыслит социализма без демократии»⁹³.

В своих последующих антибольшевистских брошюрах⁹⁴ Каутский продолжал противопоставлять друг другу большевистскую демократию и диктатуру, подчеркивая «упразднение демократии» как «первородный грех» последней и находя це-

⁹⁰ Ibid., p. 60, 90—92, 102—105.

⁹¹ Ibid., p. 44, 46, 48, 51, 119—120.

⁹² Ibid., p. 46—49, 56.

⁹³ Ibid., p. 15.

⁹⁴ Особенно в таких брошюрах, как "Terrorismus und Kommunismus". London, 1920; "Von der Demokratie zur Staatsklaverei: Eine Auseinandersetzung mit Trotski". Berlin, 1921.

лый ряд второстепенных огрехов, которые способствовали созданию «самого гнетущего деспотизма, который когда-либо знала Россия»⁹⁵. Он показывал при этом, насколько еще не созрела Россия для социализма и насколько необходимы для социализма подготовка и воспитание масс, равно как и их вождей. Будучи марксистами, замечал Каутский, большевики должны были прекрасно понимать, что они пытаются сделать невозможное, намереваясь совершить «скачок» из феодализма в социалистическое общество⁹⁶ и абсолютно не принимая в расчет субъективных факторов и объективных экономических законов.

«В итоге всегда одерживают верх экономические законы. Они равнодушны к характеру политической конституции, будь она абсолютистской, демократической или советской. Любая попытка нарушить эти законы и заменить каноны экономического развития какой-то абстрактной формой, в том числе и диктатурой, независимо от ее конституционной базы, не может изменить конечного результата, который предрешен экономическими условиями, и не может представлять собой ничего, кроме эксперимента, обреченного на провал после того, как он повлечет за собой многочисленные жертвы. С точки зрения марксизма, нет ничего губительнее поисков политической конституции, не уважающей экономических законов и направленной на то, чтобы гарантировать построение социализма»⁹⁷.

Возможно, несправедливо по отношению к Каутскому кончать разговор о нем этим перлом догматической веры, ибо нам хорошо известно, что его критика в адрес большевистской революции и его возмущение «татарским социализмом»⁹⁸ были вызваны и вдохновлялись его постоянной борьбой за демократию и человеческое достоинство. Тем не менее это его высказывание хорошо иллюстрирует скудость его марксистской философии, которая в поисках политической основы верности демократии и гуманному социализму не смогла предложить ничего иного, кроме чисто экономического детерминизма.

5. Роза Люксембург: свобода и социализм

В то время как Каутский анализировал большевистскую революцию со всевозрастающей неприязнью, Роза Люксем-

⁹⁵ *K. Kautsky*, *Von der Demokratie zur Staatssklaverei*, op. cit., S. 43; *Terrorismus und Kommunismus*, op. cit., S. 217.

⁹⁶ *Ibid.*, S. 188, 220.

⁹⁷ *K. Kautsky*, *Rosa Luxemburg und der Bolschewismus*. — In: „*Der Kampf*“, XV, Februar 1922, № 2, S. 39.

⁹⁸ *K. Kautsky*, *Terrorismus und Kommunismus*, op. cit., S. 232.

бург, его соперница в левом крыле немецкой социал-демократии, с восторгом встретила ее победу и «с энтузиазмом, но в то же время критически»⁹⁹ указывала на ее успехи и самые неприятные стороны ее развития, принимая живое участие во всем. Роза Люксембург, естественно, приветствовала в качестве революционных добродетелей многое из того, что «меньшевик» Каутский клеймил как пороки большевизма, в особенности «решительность, с которой Ленин и товарищи в решающий момент смогли выдвинуть единственный лозунг, зовущий вперед: «Вся власть пролетариату и крестьянству!», и установили «диктатуру пролетариата в целях построения социализма». Превратив «конечные цели» социализма в «непосредственную программу практической политики», они одновременно спасли русскую революцию и «честь международного социализма»¹⁰⁰. Дело большевиков, писала она, опровергло доктринерство и навсегда сорвало маску с меньшевиков (и с Каутского), разогнав туман «схематической абстракции», согласно которой Россия еще не созрела для социальной революции и диктатуры пролетариата, поскольку была «экономически отсталой и преимущественно аграрной страной»¹⁰¹. Люксембург без колебаний одобрила крупномасштабную дальновидную стратегию и решимость большевиков выйти за национальные границы русской революции. «То, что большевики полностью основывали свою политику на мировой революции пролетариата,— заявляла она,— действительно самое блестящее свидетельство их политической дальновидности и принципиальной твердости, уверенной хватки их политики»¹⁰².

Однако, несмотря на все их революционные и социалистические добродетели, даже большевики не были для Розы Люксембург достаточно революционными в проведении политики мира, а также аграрной и национальной политики; они, несомненно, шокировали ее как сторонницу демократии, но она без усталости искала и находила смягчающие обстоятельства. Вполне очевидно, что она не одобряла их стремления «к миру любой ценой, лишь бы получить мгновенную передышку», что в конце концов привело их к безоговорочной капитуляции перед германским империализмом и к «иллюзии» Брестского мира. Однако, с ее точки зрения, вся «ответственность за ошибки большевиков» падала «в конечном

⁹⁹ См. *R. Luxemburg. J'étais, Je suis, Je serai! Correspondence 1914—1918*, Paris, 1977, p. 366.

¹⁰⁰ См.: *R. Luxemburg. Die russische Revolution*. Hamburg, 1948 (цит. по изданию в итальянском переводе: *R. Luxemburg. La rivoluzione russa*.—In: „Scritti scelti“, a cura di L. Amodio. Torino, 1975, p. 577—578).

¹⁰¹ *Ibid.*, p. 566—567; а также: *R. Luxemburg. Die russische Tragödie*.—In: „Spartacus“, Sept. 1918, № 11 (цит. по изданию в итальянском переводе в сборнике „Scritti scelti“, *op. cit.*, p. 554—555).

¹⁰² *R. Luxemburg. Die russische Revolution*, *op. cit.*, p. 568.

счете» на международный пролетариат и прежде всего на «беспримерную постоянную низость немецкой социал-демократии»¹⁰³.

Гораздо менее благожелательной была ее критика «ленинской аграрной реформы», которую она осуждала за то, что из-за нее усилилось «распыление» земли и разрослась «новая частная собственность» в явном противоречии с программой централизации и национализации промышленности, выдвинутой самим Лениным. Конечно, под лозунгом «Идите и берите землю!» большевикам удалось, с одной стороны, раздробить крупное частное землевладение, а с другой — получить от крестьян непосредственную поддержку революционному правительству, но все это должно было породить в будущем серьезные препятствия для развития широкомасштабного социалистического сельского хозяйства и создать «новый мощный социальный слой противников революции в деревне»¹⁰⁴.

Еще более резким, хотя и в некотором роде оправданным ее прежней позицией, было обвинение ею большевиков в «доктринерском упрямстве», выражавшемся в «уважительной, но пустой фразеологии» о «праве наций на самоопределение», которое, с точки зрения Люксембург, вело к «распаду российской государственности» и давало возможность контрреволюционной буржуазии пограничных стран внести знамя «контрреволюции во все российские бастионы революции»¹⁰⁵.

И уж совсем яростным (и к тому же более известным) было ее осуждение большевиков за то, что они уничтожили демократию и свободу. Она разделяла и одобряла презрительное отношение большевиков к «парламентскому кретинизму» социал-демократов, но, очевидно, большевики не разделяли ее понимания «конкретной революционной диалектики», которая «не овладевает революционной тактикой наперекор большинству, а овладевает большинством с помощью революционной тактики»¹⁰⁶.

Роза Люксембург была оскорблена, когда поняла, что «путь» большевиков идет через роспуск Учредительного собрания, отмену свободы печати и права объединений и собраний вплоть до «общего лишения прав широчайших слоев общества». Конечно, большевики были более чем правы, используя «железный кулак», для того чтобы искоренить саботаж и подавить сопротивление всего среднего сословия, отказывая ему в политических правах и даже в средствах существования, но подобные акции могли быть санкционированы лишь как «конкретная мера во имя достижения конк-

¹⁰³ R. Luxemburg. Die russische Tragödie, op. cit., p. 547, 554.

¹⁰⁴ R. Luxemburg. Die russische Revolution, op. cit., p. 580—582.

¹⁰⁵ Ibid., p. 583—585, 549.

¹⁰⁶ Ibid., p. 577.

ретной цели» и, конечно, не должны были становиться «общим правилом на длительное время»¹⁰⁷. С ее точки зрения (и в этом она была согласна с Каутским и меньшевиками), диктатура пролетариата означала «самую неограниченную и широчайшую демократию». Она утверждала, что «только опыт в состоянии исправить старые и открыть новые пути, что только бродящая, как на дрожжах, жизнь порождает тысячи новых форм, импровизирует, источает созидательную силу». Не удивительно, что в ее обвинительном акте против диктатуры большевиков Роза Люксембург ни разу не назвала ее «диктатурой пролетариата».

«Вместо представительных органов, избранных путем всенародных выборов, Ленин и Троцкий ввели Советы в качестве единственных органов, представляющих трудящиеся массы, но, задушив политическую жизнь во всей стране, Советы также не смогут избежать прогрессирующего паралича. Без общих выборов, свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений в любом общественном институте жизнь затухает, становится лишь видимостью, и единственным активным элементом этой жизни остается бюрократия. Общественная жизнь постепенно погружается в спячку; управляют всего лишь несколько десятков очень энергичных и вдохновляемых безграничным идеализмом руководящих партийных деятелей. Истинное руководство находится в руках этого десятка руководителей, а рабочая элита время от времени созывается лишь для того, чтобы аплодировать выступлениям вождей и единогласно голосовать за заранее заготовленную резолюцию. Таким образом, в сущности, это власть клики; конечно же, их диктатура — это не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков, то есть диктатура в буржуазном смысле, в смысле якобинского господства»¹⁰⁸.

Действительно, политическая свобода фигурирует в числе основных предпосылок социализма. При ее отсутствии нельзя достичь того уровня политического воспитания и столь полного участия масс в политической жизни, которые необходимы для социализма, стремящегося выполнить свои «гигантские задачи». Эта свобода, утверждала Роза Люксембург, единственная и неделимая. «Свобода только для активных сторонников правительства, только для членов партии — как бы многочисленны они ни были — это не свобода. Свобода — всегда и единственно — для тех, кто мыслит иначе»¹⁰⁹.

Хуже того, большевики превратили тактику репрессий, вызванных суровой, ужасной действительностью России, в нор-

¹⁰⁷ Ibid., p. 597.

¹⁰⁸ Ibid., p. 601.

¹⁰⁹ Ibid., p. 599.

му. «Опасность начинается там, где они (большевики.—*Ред.*) превращают необходимость в добродетель, а потом теоретически — раз и навсегда — закрепляют эту фатально обусловленную тактику и рекомендуют ее международному пролетариату как достойную подражания».

«Бессмертной исторической заслугой большевиков» при завоевании власти Люксембург называла то, что они придали проблеме социализма «практический смысл», хотя и не сумели ее «разрешить». С точки зрения Люксембург, только европейская революция могла построить социализм, спасти русскую революцию и вылечить ее от болезней ¹¹⁰.

6. Большевизм и социал-демократия в критике Отто Бауэра

Отто Бауэр, знавший русский язык, был самым авторитетным теоретиком австромарксизма, внесшим определенный вклад в анализ русской революции и диктатуры большевиков. Попав в русский плен в августе 1914 года, он был выпущен после Февральской революции из лагеря в Западной Сибири благодаря вмешательству руководителей Петроградского Совета. Он приехал в Петроград в июне 1917 года и завязал дружбу с Федором Даном и Лидией Дан (у которых поселился), а также с Л. Мартовым, братом Лидии Дан, и Борисом Николаевским. Это позволило ему стать свидетелем многих важных событий в Петрограде, не говоря уже об участии в ночных дискуссиях в доме Данов, где «оборонец-революционер» Федор Дан « всю ночь работал, чтобы защищаться », как он шутливо говорил, от резких « интернационалистских » наскоков Мартова ¹¹¹. Возвратившись в Австрию в сентябре 1917 года, Бауэр уже 10 октября напечатал в Вене под псевдонимом Генриха Вебера свои наблюдения, озаглавленные « Русская революция и европейский пролетариат ». Как в этой работе, так и в частном письме к Каутскому от 28 сентября 1917 года Бауэр резко критиковал робкий минимализм и « невозможный » коалиционизм меньшевиков, но не менее критически он был настроен и по отношению к « еще более опасному авантюризму » бесцеремонных большевиков, которые, подобно якобинцам с их слепой верой « в высшую власть гильотины », уповали на « высшую власть пулеметов ». По мнению Бауэра, наиболее правильный путь между этими крайностями выбрали меньшевики-интернационалисты, кото-

¹¹⁰ Ibid., p. 606—607, 554.

¹¹¹ Y. Bourdet. Otto Bauer et la révolution. Paris, 1968, p. 23—24; M. Croan. Prospects for the Soviet Dictatorship. — In: L. Labedz (ed.). Revisionism: Essays in the History of Marxist Ideas. London, 1962, p. 284 (интервью с Лидией О. Дан в Нью-Йорке в январе 1962 года).

рых Бауэр называл «марксистским центром», и, когда ему показалось (возможно, в связи с демократической конференцией в сентябре 1917 года), что наконец открывается перспектива «чисто демократического правительства» (это решение по вопросу о власти было предложено Мартовым), он в письме к Аксельроду определил его как «историческое событие величайшей важности, способное разрешить не только вопрос о мире, но и повлиять на будущее всего европейского пролетариата»¹¹².

В этот период (менее чем за месяц до Октябрьской революции) Бауэр был уверен, что, поскольку Россия — крестьянская страна, в которой рабочий класс был в меньшинстве, результатом революции «могла быть только буржуазно-демократическая республика», которая обеспечила бы полную политическую свободу, социализацию земли и восьмичасовой рабочий день. По его мнению, она была не способна вылиться в диктатуру пролетариата¹¹³. Конечно, его волновала судьба революции, поскольку он считал, что «огромные социальные завоевания» России и «все будущее европейского социализма» зависят от того, выживет ли русская революция. В то время он был обескуражен бессилием Интернационала, который ничего не сделал, чтобы помочь ей, обеспечив мир. «Подобный унижительный опыт приводит к грустным выводам», — заключал он¹¹⁴. Весьма возможно, что и это бессильное чувство вины в большой степени явилось следствием снисходительного отношения Бауэра к Октябрьской революции, поскольку, как только она началась, он подавил в себе некоторые собственные колебания по отношению к большевикам и приветствовал ее как «победу российского пролетариата», который, «энергично орудуя метлой», повторял действия Парижской Коммуны¹¹⁵.

Конечно, он очень сожалел о том, что переговоры с Виктором об образовании коалиционного социалистического правительства окончились неудачей и что «коалиция Ленина, Мартова и Чернова», которую он считал возможной и, «вполне вероятно, сильной», не состоялась¹¹⁶. Несмотря на это, когда Эдуард Бернштейн на страницах «Лейпцигер фольксцайтунг» и Отто Бауэр в «Форвертс» выступили с нападка-

¹¹² См.: О. Бауэр — К. Каутскому, 28 сентября 1917 года, К. D., II, № 500, Institute for Social History, Amsterdam. Nicolaevsky Collection, Hoover Institution: О. Бауэр — П. Аксельроду, 28 сентября 1917 года.

¹¹³ *H. Weber. Die russische Revolution und das europäische Proletariat.* Wien, 1917, S. 16, 20; *M. Croan. Prospects*, op. cit., p. 284.

¹¹⁴ *H. Weber*, op. cit., S. 26—27; Institute for Social History: А. Бауэр — К. Каутскому, 28 сентября 1917 года.

¹¹⁵ *O. Bauer. Würzburg und Wien.* — In: «Der Kampf», November—Dezember 1917, № 11—12, S. 323.

¹¹⁶ Institute for Social History, Amsterdam: К. D., II, № 501: О. Бауэр—К. Каутскому, 24 ноября 1917 года.

ми на большевиков за то, что те поставили вне закона кадетов и распустили Учредительное собрание, последний публично заклеил эти выступления как «серьезное нарушение долга международной пролетарской солидарности»¹¹⁷. В характерном письме к Каутскому¹¹⁸ он призывал его «сдерживать Эда (Бернштейна.— *Ред.*) и «Лейпцигер фольксгайтунг», утверждая при этом, что, с его точки зрения, нападки подобного рода против большевиков были, с одной стороны, «несправедливы, поскольку Ленин и Троцкий не могли действовать иначе, а с другой — что еще хуже, — «несвоевременны», так как «мы не можем одновременно и революционизировать немецких рабочих, и порочить революцию». В конце концов, русская революция была диктатурой пролетариата, и ее крах поставил бы всех перед лицом таких «свершившихся фактов» со всеми их последствиями, что никакое новое правительство не смогло бы исправить положения. Бауэр считал обвинения меньшевиков против большевистского режима «ребяческим» и, возможно, заимствовал свои аргументы из арсенала большевиков, когда писал: «Изгнав кадетов из Учредительного собрания, Троцкий просто последовал примеру [английских] индипендентов, но действовал намного умереннее якобинцев. Закрывая эсеровские и меньшевистские газеты, он ведет себя точно так же, как Керенский вел себя в отношении большевистских газет, когда министрами были Чернов и Церетели».

Личные симпатии Бауэра, как писал он Каутскому, всегда были на стороне группы Мартова и «никогда» на стороне большевиков, но ответственность за то, что «пролетарская революция в России смогла произойти только в форме большевистского восстания», падала на большую часть меньшевиков, которые не послушались даже Мартова. Поскольку большевики, несомненно, являлись выразителями интересов российского пролетариата, постольку, как утверждал он, «наш долг поддерживать их хотя бы нашей солидарностью», направляя по возможности внимание немецких рабочих на «социальный аспект событий в России, на их значение для классовой борьбы»¹¹⁹.

Однако ни понимание, ни солидарность не помешали Бауэру трезво взглянуть на «иллюзии... методы и теоремы» большевиков. В феврале 1918 года он провел свой первый анализ большевистской диктатуры¹²⁰ с позиции, как он гордо заявил, «марксистского центра», представленной в России меньше-

¹¹⁷ H. Weber. Die Bolschewiki und wir. — In: „Der Kampf“, XI, März 1918, № 3, S. 146.

¹¹⁸ Institute for Social History, Amsterdam: K. D., II, № 503: О. Бауэр—К. Каутскому, 4 января 1918 года.

¹¹⁹ Ibid.

¹²⁰ См.: H. Weber. Die Bolschewiki und wir, op. cit., S. 137—150.

виками-интернационалистами группы Мартова и «Новой жизни», которые объединились вокруг Максима Горького и Николая Суханова. Большевики, которые представляли лишь «меньшинство русского народа», захватили власть благодаря военной силе Красной Гвардии и армии и сумели сохранить ее в борьбе с «враждебным большинством» только «репрессиями», закрытием газет, арестом руководителей оппозиционных партий и роспуском Учредительного собрания. Таким образом, большевики повторили, но уже в более широком масштабе «огромной России», то, что за 15 лет до этого пытались сделать в рамках своей партийной организации, внеся в программу положение, требующее установления «диктатуры революционного меньшинства над еще колеблющимся, не обладающим опытом и находящимся в состоянии замешательства большинством». В результате возникло Советское государство, которое передало власть в руки промышленных рабочих и солдат и, отвергнув демократическую парламентскую республику как «мелкобуржуазную», лишило буржуазию, мелкую буржуазию и большинство крестьянства какого бы то ни было политического веса. Бауэр писал, что отказ большевиков от демократии имел прецедент во Франции в 1848 и 1871 годах, когда французский пролетариат, также представлявший меньшинство населения, воспротивился парламентской демократии, боясь поражения при голосовании из-за крестьян, поддерживавших буржуазию.

Российское Советское государство было, таким образом, по словам Бауэра, «идеальным [исторически] государством революционного пролетариата, необходимым в стране, где пролетариат пока еще представляет меньшинство». Его экономической параллелью был организационный принцип «рабочего контроля», обусловленный тем, что «в стране, где рабочие составляют меньшинство, они не могут подчинить своей власти все сообщество, а с его помощью и промышленность». В той обстановке, которая сложилась во Франции в 1848 и 1871 годах, а также в послеоктябрьской России, когда пролетариату, хотя и находящемуся в меньшинстве, временно удалось захватить власть, социализм, как утверждал Бауэр, должен был резко отличаться от социализма в Центральной и Западной Европе. Классовые организации пролетариата — такие, как местные органы власти или Советы, — должны были объединиться против демократии тем же способом, каким рабочий контроль над промышленностью в лице профсоюзов выступал против социалистического подчинения промышленности всему демократическому «сообществу».

В целом «теория и практика» большевиков являлись «подгонкой социализма к стране, где капитализм еще молод и недостаточно развит, а пролетариат вследствие этого представляет меньшинство нации». Короче говоря, речь шла о «при-

способлении социализма к российской экономической отсталости». Но при всем этом большевистский социализм был, по мнению Бауэра, обречен на неудачу. Если было «неизбежностью» то, что российский пролетариат, «победоносный, полный веры и вооруженный», должен под руководством большевиков, выразивших «его стремления и идеалы» и разделявших его «иллюзии», сокрушить власть капитала и привести Россию к социализму, то было «неизбежностью» и то, что эта «трагическая попытка», выходящая «за рамки собственных средств пролетариата», была обречена на провал. Действительно, в таких крестьянских странах, как Россия (или Франция в 1848 и 1871 годах), где классовая борьба между промышленным рабочим и буржуазным промышленником была лишь, по выражению Маркса, «частичным фактом», свержение капитализма не могло стоять в центре проблем и составлять «содержание национальной революции». Таким образом, эксперимент должен был окончиться «поражением пролетариата»¹²¹. Несомненно, что на этом начальном этапе Бауэр видел в большевиках истинных выразителей интересов российского пролетариата и, хотя его анализ предсказывал крах большевистского эксперимента, он признавал за диктатурой большевистского меньшинства законность не только в историческом, но и в марксистском плане, не говоря уже о пролетарском.

Еще острее он начал выступать против «диктатуры и террора» большевиков осенью 1919 года, когда, к его огорчению, многие стали утверждать, что «русский метод» должен быть «канонем всякой пролетарской революции»¹²², в том числе и в Австрии. Уверенный в том, что большевистская «диктатура пролетариата» очень скоро войдет, если уже не вошла в конфликт с самим пролетариатом, Бауэр призвал социалистов-марксистов решительно отмежеваться от большевизма, с тем чтобы таким образом не оказаться дискредитированными его поражением, которое Бауэр считал само собой разумеющимся¹²³. Показателем его изменившегося отношения был панегирик антибольшевику Каутскому за то, что тот оказал «неоценимую услугу революционному социализму», приняв на себя руководство борьбой против большевизма и опубликовав один за другим «блестящие политические труды», в особенности великолепную книгу «Терроризм и коммунизм», которую Бауэр рекомендовал всем как настольную¹²⁴.

Бауэр закончил свой последний труд по исследованию

¹²¹ Weber. Die Bolschewiki und wir, S. 143—147.

¹²² O. Bauer. Karl Kautsky und der Bolschewismus. — In: "Der Kampf", XII, 11 ottobre 1919, № 28, S. 663.

¹²³ Ibid., S. 666.

¹²⁴ Ibid., S. 663, 667.

большевистской революции — «Большевизм или социал-демократия?», который Каутский назвал «классическим произведением социалистической литературы»¹²⁵, в апреле 1920 года, то есть в период, когда большевистский строй, вопреки предсказаниям явно сохранявший власть, тем не менее стал терять доверие, по крайней мере у марксистов-«центристов», в его притязаниях на подлинную «диктатуру пролетариата». Труд Бауэра носил преднамеренно теоретический характер и был понятен скорее марксистской интеллигенции, читавшей журнал «Кампф», чем рабочей аудитории венской «Арбайтерцайтунг», которая, как писал Бауэр Каутскому, «страстно сопротивлялась» какой бы то ни было критике большевистского режима и в лучшем случае соглашалась, что методы большевиков были производным от российских условий и мало подходили к «нашим условиям». Сказать нечто большее на страницах «Арбайтерцайтунг» значило бы «вызвать раскол в партии»¹²⁶.

Пытаясь определить «историческое место русской революции», Бауэр проводил аналогию между ходом русской революции в период между 1917 и 1920 годами и Великой французской революции между 1789 и 1793 годами. Обе они были «буржуазными» и проводились при поддержке крестьян, восставших против феодалов; обе привели к «диктатуре города над деревней, добившись сначала перевеса в городе самого многочисленного и самого революционного класса — городского плебса, а затем установив диктатуру этого городского плебса во всей стране». Однако в то время, как парижские санкюлоты были «мастера и ремесленники на маленьких заводах окраин Парижа» и, следовательно, не имели возможности вырваться «за рамки мелкой буржуазии», русские большевики представляли «пролетариев крупной современной и очень концентрированной промышленности». Завоевание власти этим пролетариатом волей обстоятельств породило «пролетарскую диктатуру», и поэтому он немедленно превратил российскую буржуазную революцию, направленную против феодализма, в революцию пролетарскую, которая уничтожила капитализм. Превращение буржуазной революции в пролетарскую, если верить Бауэру, уже было предсказано Марксом и Энгельсом накануне буржуазной революции 1848 года в Германии, которая, по их диагнозу, явилась «прологом» пролетарской революции. Бауэр довел эту аналогию до следующего вывода: «То, что Маркс и Энгельс надеялись увидеть в Германии, теперь стало явью в России. Ход рус-

¹²⁵ K. Kautsky. Eine Schrift über den Bolschewismus. — In: "Der Kampf", XIII, 13. Juli 1920, № 7, S. 265.

¹²⁶ Institute for Social History, Amsterdam: K. D., II, № 513: О. Бауэр—К. Каутскому, 29 марта 1920 года.

ской революции свидетельствует о гениальности Марксовой концепции 1848 года»¹²⁷.

Выявив таким образом «историческое место» большевистской диктатуры пролетариата и подкрепив это ссылкой на Маркса, Бауэр так определял ее судьбу. Большевистская диктатура, утверждал Бауэр, оказалась возможной в России, которую царский деспотизм держал в состоянии «культурного варварства», лишь потому, что Советская власть позволила восставшим крестьянам захватить помещичьи земли и тем самым удержала их от союза с терроризированной буржуазией, поставленной вне закона. К тому же бескультурье (*Kulturlosigkeit*) и апатия крестьян помогли большевикам более или менее скрытно лишить их гражданских прав и, стало быть, отстранить от власти¹²⁸.

Однако к концу революции и сам пролетариат оказался не в лучшем положении. В то время как первый этап русской революции характеризовался, по Бауэру, такой степенью «творческой активности» пролетарских масс, что «государственная советская власть оставалась лишь исполнительным органом рабочего класса, а ее диктатура — действительно диктатурой пролетариата», то начиная со второй половины 1918 года отношения между Советским государством и победившим пролетариатом изменились глубоко и решительно, подавив все революционные начала. С этого момента и далее огромный и мощный советский государственный аппарат, в котором основные посты были заняты одной-двумя сотнями тысяч членов партии, столкнулся с количественно уменьшившимся, ослабленным и подавленным рабочим классом и навязал ему свою волю. Большевистская диктатура пролетариата превратилась, таким образом, в «диктатуру пролетарской идеи», олицетворявшейся «весьма незначительным меньшинством» — партией, которая стала распорядиться всеми классами общества. Русский социализм выродился «в деспотический социализм», в котором государство сохраняло за собой контроль над социализированными средствами и процессами производства, над распределением и рабочей силой, навязывало всей стране собственную организацию и свои методы планирования. Ответственность за этот печальный результат несут не столько большевики, сколько тогдашняя культурная отсталость России: «Деспотический социализм был фактически естественным результатом такого развития, которое вызвало социальную революцию на том этапе, когда русский

¹²⁷ *O. Bauer. Bolschewismus oder Sozialdemokratie?* Wien, 1921, S. 64—65; а также: *N. Leser. Zwischen Reformismus und Bolschewismus.* Wien, 1968, S. 128—129.

¹²⁸ См.: *O. Bauer. Bolschewismus oder Sozialdemokratie?*, op. cit., S. 33, 47—49.

крестьянин еще не созрел для политической демократии, а русский рабочий — для промышленной демократии».

В обстановке, когда массы еще находились на примитивном уровне развития, а предпосылки демократии отсутствовали, «деспотизм развитого прогрессивного меньшинства становится «преходящей необходимостью», временным орудием исторического прогресса». «Историческая роль» большевистской диктатуры заключалась, по Бауэру, в том, чтобы привести Россию к демократии, а не к социализму, иначе говоря, чтобы просветить крестьянские массы и подготовить их к осуществлению правительственной власти в «демократическом государстве». Сам же пролетариат, действительно составлявший «незначительное меньшинство нации», не мог бы сохранить власть в цивилизованной демократической России с большинством крестьянского населения¹²⁹.

Историческая внешняя функция «временного господства промышленного социализма в аграрной России» должна была состоять в том, чтобы подать «яркий сигнал», который мог призвать к борьбе западный пролетариат, потому что «только захват политической власти пролетариатом промышленного Запада стал бы основой длительного господства промышленного социализма»¹³⁰.

В практическом плане то, что Бауэр признавал большевистскую диктатуру и ее «деспотический социализм» в качестве исторической необходимости для примитивной и отсталой России, делало из него потенциального апологета большевистского режима. Однако это не помешало ему яростно противиться каким бы то ни было проявлениям большевизма на Западе, включая и Коминтерн с его 21 условием. Большевизм был хорош только для России.

Слабой стороной оптимистического предвидения Бауэра о том, что «деспотический социализм», просвещая, а затем и демократизируя Россию, мог сделать излишней диктатуру, было молчаливое предположение о том, что большевистская партия, выполнив свою «историческую роль» с массой хороших результатов в свою пользу, согласится отказаться от власти и удалиться со сцены. Однако Бауэр очень хорошо понимал, что большевики считали свою диктатуру пролетариата переходным периодом (независимо от его продолжительности), который должен привести к социализму и отмиранию государства, а вовсе не «назад», к некой «демократической республике»¹³¹. Очевидно, Бауэр больше верил в ответственность объективных исторических сил и их развитие, а не в субъективные намерения и желания большевистской эли-

¹²⁹ Ibid., S. 60—71.

¹³⁰ Ibid., S. 71.

¹³¹ Ibid., S. 69.

ты, завоевавшей власть и облеченной теперь государственной властью. Поэтому не удивительно, что данные им оценки действий большевиков носили двусмысленный характер, а критика его ограничивалась лишь тем, что они «видели только проблему власти и не замечали экономических проблем»¹³².

В последние годы жизни Ленин отвечал своим марксистским критикам намного сдержаннее и с большим чувством меры. Он понял, что перспективы европейской революции отдалаются, и сам перешел от «абсолютного социализма» периода военного коммунизма к нэпу, однако его утешало то, что большевистский строй победоносно выжил, и он гордился алмазной твердостью Советского государства. В своих последних статьях, продиктованных во время тяжелой болезни в декабре 1922 — марте 1923 года, особенно в комментариях к заметкам Н. Н. Суханова, которые побудили его вновь возвратиться к целому ряду вопросов, поставленных Октябрьской революцией¹³³, Ленин оправдывал большевистскую диктатуру словами, не слишком отличающимися от слов Отто Бауэра и его друзей-австромарксистов.

Рассматривая непосредственно вопрос о том, как продержаться в период экономического упадка, «при... мелком и мельчайшем крестьянском производстве... до тех пор, пока западноевропейские капиталистические страны завершат свое развитие к социализму», и в ожидании, пока созреет революционное движение на Востоке¹³⁴, Ленин указывал на необходимость внутреннего, национального разрешения двойной проблемы — отсталости России и изоляции Октябрьской революции. Основным вопросом, как он его видел в текущий момент, был вопрос о пропасти между масштабностью задач, поставленных социалистическими преобразованиями, с одной стороны, и российской «нищетой материальной и нищетой культурной» — с другой. Он верил в способность Советской власти «засыпать эту пропасть», начиная с «переделки» государственного аппарата, в котором действительно «нет умения управлять»¹³⁵. В полемике с меньшевиками типа Суханова и со всеми «педантами» от марксизма, которые осудили большевистскую революцию, считая, что большевики предпринимает «безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране»¹³⁶, Ленин предлагал новый метод создания «предпосылок цивилизации». При этом он при-

¹³² *O. Bauer. K. Kautsky und der Bolschewismus, op. cit., S. 664.*

¹³³ См.: *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 343—454, 372—382.* Значение последних работ Ленина рассматривается в книге: *M. Lewin. Lenin's Last Struggle. London, 1968, p. 105—116.*

¹³⁴ *В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 402—403.*

¹³⁵ Там же, с. 411, 413, 414.

¹³⁶ Там же, с. 376—377.

знавал, что «... Россия, стоящая на границе стран цивилизованных и стран, впервые этой войной окончательно втягиваемых в цивилизацию, стран всего Востока, стран внеевропейских, что Россия поэтому могла и должна была явить некоторые своеобразия...»¹³⁷. Таким образом, Ленин указывал на иную историческую последовательность, нежели для «западноевропейских стран»: «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры... то почему нам нельзя начать сначала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы»¹³⁸. Короче говоря, государственная власть большевиков могла цивилизовать Россию и сама создать материальные и культурные условия, для того чтобы заложить «основы социалистического общества». Очевидно, Ленин далеко ушел вперед в своих оценках 1917 года, не раз изменив свои взгляды с тех пор, когда рассматривал большевистскую революцию в качестве пролога и части грядущей социалистической революции в Западной Европе и когда на заре Октября бросил клич к «построению социализма».

Таким образом, марксизм в России, который с помощью своей теории двух революций и табу на власть претендовал повернуть русскую революцию лицом к Западу и европеизировать ее, достиг в итоге диаметрально противоположного результата. Он пришел к «новой», большевистской революционной теории и практике, которая ускорила обе революции, постулировала и тут же реализовала захват и удержание государственной власти, чтобы потом навязать социальную и культурную революцию сверху в качестве русского, а возможно, восточного или, во всяком случае, неевропейского пути к цивилизации и социализму.

Марксистские критики Ленина, находившиеся под сильным влиянием моральных и демократических принципов европейской социал-демократии и связанные марксистской трактовкой исторического процесса и социальной революции, которая имела в качестве единственной модели Западную Европу, были понятным образом шокированы анализом «исторического значения и места»¹³⁹, или исторической роли нового способа использования государственной власти, открытого Лениным. В то время как большинство западных марксистов хором отвергало большевистский эксперимент и единым росчерком пера зачеркивало его, меньшинство в лице Отто Бауэра и австромарксистов защищало тезис «больше-

¹³⁷ Там же, с. 379.

¹³⁸ См. там же, с. 381.

¹³⁹ E. Lederer. Der historische Ort und Sinn des Bolschewismus. — In: "Der Kampf", XII, 12. Juli 1919, № 15, S. 453—455.

визма для России»¹⁴⁰. По их мнению, под маркой «деспотического социализма» большевиков на благо «некультурной России» работали «историческая необходимость» или «хитрость истории»; но они с возмущением отвергали эту форму, считая ее неприемлемой для их образованного европейского общества. Множество дефиниций, которые марксистские критики Ленина дали созданному им режиму большевиков (от «преторианско-азиатской диктатуры» Потресова, «государственного рабства» Каутского, «бонапартистской комбинации» Мартова и «деспотического социализма» Бауэра до чистой «контрреволюции» Аксельрода), несомненно, отражают их замешательство, а возможно, и недостаточность концептуальных средств, с помощью которых они пытались разобраться в возникшем перед ними новом феномене.

¹⁴⁰ К. Renner. Der taktische Streit. — In: "Der Kampf", XI, Januar 1918, № 1, S. 29.